

Х62 9.3
Т-93

1/4 1/2

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
СЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

И. В. ТЫРИЧЕВ

ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Москва — 1981

**МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

И.В. ТЫРИЧЕВ

**ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Москва – 1983

Рецензенты:

кафедра уголовного процесса Харьковского юридич
тута им. Ф. Э. Дзержинского;

доктор юридических наук профессор Т. Н. Добровол

Ответственный редактор доцент М. С. Дьяченко

Одной из самых сложных и трудно усваиваемых студентами тем курса уголовного процесса является тема «Принципы советского уголовного судопроизводства». Это объясняется дискуссионностью проблемы принципов в целом, а также тем, что изучение данной темы предшествует изучению стадий процесса, в которых принципы находят свое осуществление.

Это и побудило нас подготовить настоящее пособие.

Предлагаемое пособие не преследует цели освещения всех принципов советского уголовного процесса. Автор имеет в виду помочь студентам осмыслить природу принципов советского уголовного процесса и на этой основе уяснить роль и значение тех начал, которые в учебной и монографической литературе не получили однозначной оценки. Речь идет о началах, которые прямо не записаны в Конституции СССР, но из нее вытекают, тесно связаны с конституционными основами правосудия и находят непосредственное закрепление в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве. К их числу относятся публичность процесса, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела, состязательность, непосредственность и устность процесса. С содержанием, ролью и значением этих демократических принципов советского уголовного судопроизводства и знакомит данное пособие.

Учебное пособие предназначено для студентов заочного и вечернего факультетов института. Оно может быть также использовано преподавателями и аспирантами.

Автор

ГЛАВА I
ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Принципами советского уголовного процесса называются основные правовые положения, исходные начала, или, что то же, нормы общего руководящего значения, которые выражают социалистическую природу и сущность процесса, определяют построение всех его стадий, форм и институтов и направляют уголовно-процессуальную деятельность на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством. Они определяют качественные черты уголовного процесса, раскрывают его содержание и классовый характер.

1. Содержание принципов объективно. Правовые принципы отражают общие закономерности регулируемых ими общественных отношений и создаются людьми соответственно этим отношениям¹. Не природа, не человечество «сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»². Законодательная власть не создает, не изобретает нормы-принципы, а только открывает и формулирует их³.

Принципы отражают закономерные особенности данного типа общественных отношений, в силу чего отличаются особой устойчивостью и постоянством. В своей сущности принципы остаются неизменными в течение всего периода существования социалистического строя. Руководящие начала права и его отраслей не отменяются. Отменяются нормы права, которые вступают в противоречие с общим содержанием принципов или

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 133.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 34. Данное положение Ф. Энгельса универсально. Оно, как пояснил В. И. Ленин, определяет характер всякого знания (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 34—35).

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 162, 285, 359.

их отдельными требованиями либо перестают соответствовать уровню регулируемых ими общественных отношений⁴.

С развитием и совершенствованием социалистических общественных отношений постоянно развиваются и совершенствуются правовые принципы⁵ как регуляторы этих отношений, но само существо, общий социально-правовой смысл принципов остаются неизменными на протяжении всего периода данной общественно-экономической формации⁶. Это программное положение особенно ярко проявилось в Конституции СССР 1977 года, оставившей неизменной существовавшую систему принципов социалистического правосудия. Конституция отразила объективные тенденции развития принципов в новых условиях развитого социализма, значительно углубила и обогатила содержание каждого из них, расширила диапазон их действия, внесла необходимые изменения в формулировки ряда принципов, возвела в ранг конституционных отдельные положения и принципы, но не устранила и не должна была устранить из общей системы ни одного ранее известного принципа правосудия.

Вместе с тем принципы субъективны, поскольку являются волевым актом государства, продуктом сознательного творчества законодателя. Принципы формулируются как правовые предписания, а форма как структура и способ выражения содержания не всегда передает все богатство, многогранность отображаемой ею действительности, а порой и подлинных намерений законодателя⁷.

Итак, принципы объективны по своему содержанию и субъективны по форме юридического выражения. В указанном единстве двух сторон — объективного и субъективного — и проявляется главным образом природа общеправовых и процессуальных принципов.

2. Как категория надстроечного, идеологического порядка принципы формируются под воздействием общественно-политических идей, но регулятором процессуальной деятельности и возникающих в ее сфере правовых отношений являются не сами идеи, а нормы-принципы. Пока идеи не закреплены в нормах права, они остаются началами правосознания, научными выводами, представляют замысел правовой нормы (суждение для себя), а не содержание самой нормы (суждение для всех).

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1982, с. 64.

⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1971, с. 106.

⁶ Это положение удачно выражено М. В. Цвиком и Г. А. Борисовым в статье «Конституционные принципы социалистического строя» (см. Советское государство и право, 1981, № 9, с. 19).

⁷ Примером может служить ст. 111 Конституции СССР 1936 года, по буквальному тексту которой правом на защиту пользовался не обвиняемый, а подсудимый. Надо, однако, иметь в виду, что речь идет не о формах познания, а о правовой форме выражения познанного. Форма знания, как и само содержание знания, объективна (Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. — М., 1979, с. 126).

Нормативность — важнейшее свойство принципов, неотделимое от природы уголовного процесса как особого рода государственно-правовой деятельности.

Принципы не являются декларациями, которые в целом через посредство процессуальных норм оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения. Принципы — это нормы права с трехэлементной структурой (гипотезой, диспозицией, санкцией), они непосредственно регулируют общественные отношения; их соблюдение гарантируется не только внешними факторами, но и собственной внутренней структурой. Лишь зафиксированные в законодательных актах в виде юридических норм, принципы могут носить непререкаемый, общеобязательный характер и подкрепляться потенциальной возможностью государственно-правового принуждения⁸. Иначе в правоприменительной деятельности соблюдались бы не принципы как таковые, а только конкретизирующие их нормы. Между тем принципы являются нормами прямого, непосредственного действия и могут быть реализованы вне конкретизирующих норм (например национальный язык судопроизводства, непосредственность процесса и др.), что позволяет судебным инстанциям при отмене приговора ссылаться на них без обращения к этим нормам⁹.

По своей сути процессуальные принципы носят императивный, властно-повелительный характер, они содержат обязательные предписания, исполнение которых обеспечивается всем арсеналом правовых средств. Принципы постулируют претворение в жизнь заключенных в них правовых требований, заранее определенных целевым характером судопроизводства.

В системе процессуального права принципы занимают главенствующее место, всегда являются первичными нормами, не выводимыми друг из друга и обнимающими остальные нормы, в которых конкретизируется содержание принципов и которые подчинены этим принципам. Обладая высокой степенью общности, опосредуясь в других правилах, принципы синхронизируют всю систему процессуальных норм и придают глубокое единство механизму уголовно-процессуального регулирования. Именно такая взаимосвязь общих и конкретизирующих норм обеспечивает единство процессуального порядка по всем уголовным делам (ст. 1 УПК¹⁰) и соблюдение законности в уголовном судопроизводстве.

⁸ Если бы «идеологические категории не выражались в юридических нормах», — пишет С. С. Алексеев, — понятие «принципы права» потеряло бы всякий смысл» (Алексеев С. С. Объективное в праве. — Правоведение, 1971, № 1, с. 116; он же. Проблемы теории права. — Свердловск, 1972, с. 103).

⁹ Петрухин И. Л. Система конституционных принципов советского правосудия. — Советское государство и право, 1981, № 5, с. 79; Чангули Г. И. Конституционные принципы уголовного судопроизводства зарубежных социалистических стран. — Киев, 1981, с. 14, 18.

¹⁰ Здесь и далее даны ссылки на статьи кодексов РСФСР. При этом имеются в виду и соответствующие статьи кодексов других союзных республик. Особенности законодательства союзных республик указываются специально.

Принципы служат опорным пунктом для толкования процессуальных норм. Обнаруживаются ли в процессуальном праве пробелы либо усматриваются противоречия между отдельными нормами, ключом к разрешению возникших затруднений являются принципы. Они определяют основные направления, перспективы развития процессуального права, служат основой его совершенствования, главным критерием оценки обоснованности предложений об изменении или дополнении текущего законодательства. В этом состоит программирующая функция принципов как социальных ориентиров правотворческой деятельности законодателя.

Социальная ценность норм-принципов проявляется в том, что претворение в жизнь их требований наглядно демонстрирует подлинный демократизм, гуманизм и справедливость советского правосудия, является действенным средством воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения законов, нетерпимости к малейшим отступлениям от социалистического правопорядка¹¹.

3. Принципы уголовного процесса равновелики и едины¹². Различаясь содержанием и характером правовых требований, они образуют систему однопорядковых структур, где нет преференциальных связей и отношений, связей и отношений субординации. Субординационные связи существуют в общей системе действующих в правовой сфере принципов, в основе которой лежит дифференциация принципов на общеправовые, межотраслевые и отраслевые (специализированные). Подобная классификация (по вертикали) основана на различии сфер, регулируемых принципами общественных отношений, и выражает собой их связь как соотношение общего, особенного и отдельного. Эта субординационная связь характеризуется тем, что общеправовые принципы, будучи принципами наибольшей общности, с одной стороны, преломляются не иначе как в отраслевых принципах применительно к особенностям предмета и метода правового регулирования конкретного вида общественных отношений, с другой стороны, аккумулируют в себе все отраслевые принципы в качестве составных элементов.

Не составляет исключения и общеправовой принцип социалистической законности, который, с нашей точки зрения, неосновательно включается в число процессуальных начал¹³.

Социалистическая законность не стоит особняком от принципов уголовного процесса, а охватывает всю систему принципов, наполняя каждый из них особым содержанием. Все принципы и каждый в отдельности отражают существо законности, являются прямым и непосредственным ее выражением, и нарушение любого из них

¹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 1, с. 14; 1978, № 1, с. 3; 1978, № 2, с. 12; 1980, № 1 с. 28; 1981, № 3, с. 9.

¹² Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. — М., 1971, с. 37.

¹³ Советский уголовный процесс. — М., 1980, с. 68—70; Советский уголовный процесс. — Киев, 1978, с. 48—51 и т. д.

есть нарушение законности, а не чего-либо иного¹⁴. Требование ст. 6 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик об осуществлении правосудия в точном соответствии с законом и есть требование об осуществлении правосудия в точном соответствии с его принципами. Не случайно Конституция СССР формулирует социалистическую законность как общеправовой принцип и не включает его в перечень принципов правосудия, которые им охватываются.

Если же считать законность принципом процесса, то нельзя не считать таковым и любой другой общеправовой принцип** (социалистический демократизм, гуманизм, интернационализм и пр.), который в такой же мере, как и законность, пронизывает все отрасли правовой деятельности.

Думается, что в любой обособленной области государственно-правовой деятельности нет такой сферы, которая не регулировалась бы отраслевыми принципами. Важно только не упускать из виду, что общеправовые принципы являются в известном смысле наиболее абстрактным выражением отраслевых принципов и что их нельзя сводить к арифметической сумме принципов, присущих всем отраслям права¹⁷. В свою очередь процессуальные принципы не представляют собой механического приложения общеправовых принципов к сфере судопроизводства, поскольку являются своеобразным преломлением последних через предмет и метод уголовно-процессуального регулирования.

¹⁴ Такого же мнения придерживаются М. С. Строгович (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. — М., 1968, с. 175), Р. Д. Рахунов (Рахунов Р. Д. Независимость судей в советском уголовном процессе. — М., 1972, с. 35) и др.

** В этом вопросе последователен И. Л. Петрухин, который, подобно представителям науки уголовного права (Кригер Г. А. Место принципов советского уголовного права в системе права. — Советское государство и право, 1981, № 2, с. 104; Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. — М., 1977, с. 113; Бажанов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. — Киев, 1980, с. 12), включает в систему собственно процессуальных принципов все общеправовые начала, полагая, что они имеют собственное содержание и в ряде случаев не опосредуются применением какого-либо отраслевого принципа. В частности, освобождение оправданного из-под стражи после провозглашения приговора является, по его мнению, проявлением принципа социалистического гуманизма, а свободная, не связанная с национальной принадлежностью свидетеля оценка достоверности его показаний — выражением принципа национального равноправия (Петрухин И. Л. Сущность и система конституционных принципов правосудия. — Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1981, с. 40; Петрухин И. Л., Кобликов А. С. Законность — конституционный принцип советского уголовного процесса. — Советское государство и право, 1979, № 3, с. 149). На самом же деле и здесь общеправовые принципы опосредованы отраслевыми: в одном случае — презумпцией невиновности (оправданный не может содержаться под стражей, коль скоро его считает невиновным не только государство, но и суд), во втором — оценкой доказательств по внутреннему убеждению ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик — далее — Основы).

¹⁷ Явич Л. С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. — М., 1978, с. 164.

4. Конституция СССР закрепляет не все принципы правосудия (и уголовного процесса), а лишь те, которые устанавливают основы организации и деятельности суда, носят межотраслевой характер либо имеют особое общеполитическое значение. Остальные принципы, имеющие преимущественно специализированный характер и раскрывающие содержание уголовного процесса как особого вида государственной деятельности по борьбе с преступностью, получают закрепление в другом общесоюзном акте — Основах. Эти принципы вытекают из общего духа Конституции, органически связаны с конституционными началами, образуют вместе с ними единую и неделимую систему принципов, одинаково значимых для осуществления задач уголовного судопроизводства. Конституция наделяет эти принципы своей силой, ввиду чего их нарушение так же существенно, как и нарушение любой конституционной нормы, регулирующей ту или иную сторону отправления правосудия.

Нарушение любого принципа обычно влечет за собой нарушение других принципов и, следовательно, отражается на их реализации и на престиже законодательства в целом. Принципы живут и действуют в рамках целостной системы, где сущность и назначение каждого принципа обуславливается не только собственным содержанием, но и функционированием всей системы¹⁸. В этой системе принципы, не записанные в Конституции, не конкурируют с конституционными началами, а наоборот, находятся с ними в органической связи и дополняют их. Те и другие образуют единую и неделимую цепь процессуальных начал и в силу целостности в равной мере служат целям уголовного судопроизводства. Каждый из них определяет такую сторону уголовного судопроизводства, без которой невозможно правильное осуществление его задач.

Следовательно, в каком бы законодательном источнике ни были закреплены принципы, они вытекают из сущности и духа самой Конституции, сформулированных в ней общеправовых принципов. Подчиненность Основ Конституции в том и заключается, что процессуальные принципы, записанные в Основах, но не названные в Конституции, должны вытекать из сущности Конституции, быть согласованы с конституционными принципами, взаимосвязаны с ними, а не в том, что принципы, лежащие за пределами Основного Закона, обладают меньшей правовой ценностью. Поэтому деление принципов на две группы — конституционные и неконституционные — по формальному источнику их закрепления не имеет эвристической ценности.

Все принципы уголовного процесса по существу есть принципы конституционного значения. Всякая попытка оспорить правовую равноценность процессуальных начал, установить среди них внутрисистемную иерархию, верховенство одних над другими заведомо обречена на неудачу.

¹⁸ Явич Л. С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы, с. 150.

С этой точки зрения нельзя рассматривать конституционные принципы по отношению к отраслевым в качестве норм-доминант, позволяющих наиболее четко и правильно толковать и применять текущее законодательство при осуществлении уголовного судопроизводства¹⁹. Каждый принцип, помещенный в Основах, будь то конституционный или неконституционный, одинаково важен при интерпретации действующего законодательства, и органы государства при наличии пробельности права или противоречивости отдельных норм обращаются к тому принципу (принципам), в сфере регулирования которого обнаруживается такая пробельность или противоречивость, и действуют в точном соответствии с его существом. Подобно тому, например, как принцип обеспечения обвиняемому права на защиту позволяет правильно разрешить ряд неурегулированных вопросов, относящихся к правам подсудимого и осужденного, так и принцип непосредственности служит такой же основой для решения некоторых спорных вопросов, возникающих в связи с оглашением на суде показаний обвиняемого и свидетелей, данных на предварительном следствии или дознании.

Точно так же нет никаких предпосылок для установления иерархических отношений между самими конституционными принципами правосудия²⁰. Все они являются выражением общеправовых принципов, закрепленных в Конституции, и ни один из них не группирует вокруг себя другие принципы правосудия и не подчиняет их себе. В противном случае подчиненные принципы неизбежно оказались бы поглощенными доминирующими и растворились в них²¹. Для принципов не существует шкалы с делением на более или менее важные. Начало, имеющее цену ниже другого, не может входить в процессуальную систему равновеликих, однопорядковых структур.

5. С точки зрения общего теоретического подхода не имеет решающего значения, выражен ли процессуальный принцип в отдель-

¹⁹ Чангули Г. И. Конституционные принципы уголовного судопроизводства зарубежных социалистических стран, с. 17, 21 — 22.

²⁰ Там же, с. 21—22.

²¹ Не является по отношению к гласности верховенствующим и принцип всесторонности, полноты и объективности. Эти принципы с разных сторон характеризуют уголовное судопроизводство. Ссылка Я. О. Мотовилокера на то, что нарушение гласности не всегда влечет за собой отмену приговора, а нарушение всесторонности, полноты и объективности не допускает оставления приговора без изменения, по меньшей мере является неточной (Мотовилокер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. — Ярославль, 1978, с. 17). Односторонность и неполнота исследования обстоятельств дела вызывает обязательную отмену приговора только тогда, когда такая односторонность и неполнота повлияла или могла повлиять на постановление законного и обоснованного приговора (ч. 1 ст. 343 УПК). В иных ситуациях подобных последствий не наступает.

Но Я. О. Мотовилокер прав, утверждая, что «форма и место нормативного закрепления того или иного процессуального положения не может служить основанием ни для отнесения или неотнесения его к числу принципов уголовного процесса, ни для определения его важности» (там же, с. 14).

ной статье закона в виде особой правовой формулы или же содержание принципа раскрыто в ряде требований, изложенных в нескольких статьях закона. В том и другом случае принципом служит норма общего характера, заключающая в себе правило определяющего и руководящего значения.

До процессуальной реформы 1958—1961 гг. принципы не были консолидированы в одном законодательном акте и имели двоякую форму юридического выражения: одни постатейно закреплялись в Конституции СССР 1936 года, другие были разлиты в текущем законодательстве. Свое воплощение они получали в таком комплексе правовых требований, сосредоточенных в разных статьях закона, совокупность которых составляла основополагающие нормы, имевшие такое же обязательное значение, как и нормы, выражающие принципы в виде особых правовых формул.

Действующее законодательство иначе формулирует принципы. Основы закрепляют в се принципы уголовного процесса, сосредоточивают большинство из них в первом разделе — «Общие положения», отводят им, как правило, отдельные статьи с особым заголовком, соответствующим содержанию обозначаемого принципа. УПК воспроизводит указанные статьи, группирует их таким же образом, конкретизируют требования принципов и устанавливают пределы осуществления каждого из них. Большинство принципов, достигших конституционного уровня, также получают закрепление в отдельных статьях Основного Закона.

Такая форма закрепления принципов стала возможной благодаря накопленному законодателем опыту нормирования уголовного судопроизводства, высокому уровню законодательной техники и общей правовой культуры. Не последнее слово сказали здесь процессуальная наука и практика правоприменительных органов.

Вместе с тем Основы не ограничивают систему принципов рамками своего первого раздела; некоторые из них закреплены в разделе четвертом — «Производство дел в суде первой инстанции». Размещая принципы таким образом, законодатель учитывал особенности и характер каждого принципа, принимал во внимание, какое ближайшее значение он имеет для судебного разбирательства, учитывал, где лучше всего поместить принцип, чтобы его удобнее было применять в практической деятельности.

Поэтому не следует думать, что принципами являются только требования, закрепленные в общих для данной отрасли права нормах, а все остальные правовые положения, сколь бы значимы они ни были, не имеют значения руководящих требований и относятся к отдельным стадиям процесса, например устность и непосредственность²².

— О принципах судят не по тому, в каком разделе законодательного акта они сосредоточены и как озаглавлены, а по тому, каково их подлинное содержание, что они выражают и характеризуют,

²² Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе. — М., 1981, с. 45, 46, 63, 66.

какую роль играют в осуществлении задач уголовного судопроизводства.

Принципы советского уголовного процесса определяют сущность, качественные черты и особенности уголовного судопроизводства, выражают характер регулируемых отношений (предмет) и средства регулирования (методы).

Принципы должны быть зафиксированы в одной или нескольких статьях закона, составляющих общую норму права, которая не дублирует другие нормы руководящего характера; свидетельствует о высоком уровне нормативного обобщения и охватывает достаточно широкую сферу организации уголовно-процессуального регулирования; содержит правило действия, указывающее на общий путь следования к целям процесса; определяет построение судебного разбирательства как центральной стадии процесса и проявляет себя (хотя бы ограниченно) в одной или нескольких стадиях, предшествующих судебному разбирательству или следующим за ним; имеет своим постоянным адресатом соответствующий государственный орган и во всяком случае суд.

Всем этим признакам (критериям) удовлетворяют устность и непосредственность. Устность пронизывает все стадии процесса, без нее вообще невозможно производство по делу. Непосредственность не только определяет построение судебного разбирательства, в известных границах она реализуется в ряде других стадий. Например, основное требование непосредственности получить доказательства из первоисточника и использовать их при обосновании выводов по делу столь же обязательно для следователя, как и для суда. Ясно, что устность и непосредственность не могут быть низведены до уровня общих условий судебного разбирательства на том основании, что они так текстуально сформулированы в ст. 37 Основ²³. Гласность процесса тоже формулируется в ст. 12 Основ как принцип судебного разбирательства, что не препятствует считать ее принципом всего уголовного судопроизводства. Есть и другие нормы, помещенные в первом разделе Основ, рассчитанные на судебные стадии процесса, например участие народных заседателей и коллегияльность в рассмотрении дела, принадлежность которых к общим принципам процесса никем не оспаривается.

²³ Заслуживают серьезного внимания соображения И. Л. Петрухина о том, что судебное разбирательство, в котором получают выражение все принципы уголовного судопроизводства, не нуждается в конструировании для него специальных общих условий (принципов). (Петрухин И. Л. Система конституционных принципов советского правосудия. — Советское государство и право, 1981, № 5, с. 84).

Прав М. Л. Якуб, утверждая, что вопрос о том, какие из положений, закрепленных законодателем в общих нормах, относятся к принципам, призваны решить наука и практика²⁴, но ведь наукой и практикой этот вопрос уже решен.

Как прежде, так и сейчас наука и практика видели и видят в устности и непосредственности основные устои, ведущие принципы советского уголовного процесса²⁵.

Таковыми их единодушно считают теория и практика гражданского судопроизводства, несмотря на то, что при полной тождественности их формулировок в Основах гражданского и Основах уголовного судопроизводства каждый из них подвержен по гражданским делам большему ограничению, чем по делам уголовным²⁶.

6. Основы закрепляют все объективно обусловленные и значимые идеи уголовного судопроизводства в качестве принципов советского уголовного процесса. В этой связи не может быть признано правильным утверждение М. Л. Якуба, что в рамках действующего законодательства существуют социально значимые идеи, которые не могут быть включены в число принципов уголовного процесса, поскольку они как таковые в законе не закреплены, не сформулированы в виде особой нормы, не названы законом собственным именем, а выражены в нем в той или иной части в ряде многообразных и общеобязательных требований, и что поэтому нормативное значение имеют не сами эти идеи, а те правила, в которых они воплощены²⁷.

Цель акта и сущность
Законодатель не может одобрить правовую идею, признать ее значимой, выразить ее сущность в многообразных правилах, не восприняв идею в целом, не закрепив ее в виде нормы-принципа. Принцип как целое складывается из частей, и если законодатель закрепил идею «по частям» в качестве правовых требований, значит,

²⁴ Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе, с. 46.

²⁵ Стучка П. И. Тезисы о реформе УПК. — Революция и право, 1928, № 1, с. 121; Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. — М., 1949; Сарбаев З. И. Принцип непосредственности — один из важнейших принципов советского социалистического правосудия. — Вопросы государства и права. М., 1965; Шундикова В. Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела. — Саратов, 1974; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1, с. 157—167; Судебная практика Верховного Суда СССР, Вып. 1 (XXXV), 1947, с. 12; 1956, № 5, с. 14—15; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 12, с. 5; 1975, № 5, с. 13—14; 1982, № 4, с. 9 и т. д. В Положении об особых военных трибуналах Украины от 11 декабря 1918 г. указывалось, что уголовный процесс основывается на принципах непосредственности, устности и равноправности сторон (СУ УССР, 1919, № 1, с. 1).

²⁶ Курс советского гражданского процессуального права. Т. 1. — М., 1981, с. 175—177; Советский гражданский процесс. — М., 1978, с. 53—54; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 12, с. 5.

²⁷ Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе, с. 41, 44, 50, 51, 66.

он закрепил и саму идею как принцип²⁸. Поэтому, если нарушено то или иное обусловленное презумпцией невиновности или состязательностью правило (толкование сомнений в пользу обвиняемого, равенство прав участников судебного разбирательства и т. д.), будет нарушена сама презумпция невиновности, сама состязательность процесса. Иначе допущенное нарушение окажется вне сферы действия того либо иного процессуального принципа.

Между тем действующий закон не ограничивается закреплением одних проявлений упомянутых принципов (что само по себе достаточно для конструирования нормы-принципа), а предельно четко выражает их. Так, презумпция невиновности отчетливо выражена в ст. 160 Конституции СССР и в многочисленных нормах процессуального права, в которых данная статья конкретизируется, а состязательность находит свое закрепление в ст.ст. 38, 7 (ч. 1), 10, 14, 43 Основ²⁹. М. Л. Якуб же в отличие от большинства ученых-процессуалистов и от Пленума Верховного Суда СССР вкладывает в понятия презумпции невиновности и состязательности свой особый процессуальный смысл.

То обстоятельство, что в законе отсутствуют специальные термины, обозначающие состязательность и презумпцию невиновности, отнюдь не выражает отрицательного отношения законодателя к этим категориям. Существенно не то, обозначено или не обозначено определенное явление особым термином, а то, что оно реально заложено в праве и отражено в законе. Понятие отражает, термин обозначает; номенклатура слова не способна изменить существо понятия. В Основах можно найти немало статей, заголовков которых передает краткое содержание заключенного в них текста без обозначения понятия термином, давно усвоенным наукой³⁰.

Развивая свои взгляды на правовую форму закрепления принципов, М. Л. Якуб пишет: «Если та или иная идея не получила в законе выражения, то это не значит, что она отвергнута законода-

²⁸ Интересно, что определение принципов как «закрепленных положений в ряде статей закона» М. Л. Якуб считает правильным для прежнего законодательства и неприемлемым для действующего. Выходит, что прежде сумма правовых требований, объединенных общей направленностью, выражала принцип-норму, а теперь выражает лишь идею, не имеющую нормативного значения.

Однако, в какой бы форме ни был изложен принцип, общее понятие правовой нормы, правового принципа не изменилось. Достаточно сказать, что еще во многих отраслях права принципы рассеяны по законодательным актам, отчего они не теряют значения основополагающих норм. Важно в таких случаях только уметь «находить в нормативных актах все элементы правовых норм, соединять эти элементы воедино и мысленно конструировать правовую норму» (Пиголькин С. А. Нормы советского социалистического права и их структура. — Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 193).

²⁹ О структуре принципа состязательности см. § 3 гл. II настоящего пособия.

³⁰ К числу таких специальных терминов, которых нет в законе, относятся, например, «предмет доказывания», «пределы доказывания», «допустимость» и «относимость» доказательств, да и сам термин «принцип».

телем»; причиной этого может быть то, что «она не проверена практикой или недостаточно разработана»³¹.

Но можно ли допустить, чтобы законодатель около семидесяти лет взвешивал ценность многообразных правил, выражающих идеи презумпции невиновности и состязательности, и до сих пор не определил цену самих этих идей? Законодатель волен избрать ту или иную форму закрепления принципов, но не волен не закрепить давно известную идею, если она объективно обусловлена и социально значима для уголовного процесса. Такого рода идеи обязательно получают выражение в законе.

Права Т. Н. Добровольская, которая, формулируя принципы как «объективно обусловленные и закрепленные в законе положения»³², в отличие от критикующего ее автора органически соединяет «обусловленность» с «закреплением в законе» как причину и следствие, а не отодвигает изначальное на задний план.

7. Система принципов правосудия по уголовным делам состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных процессуальных (функциональных) и судоустройственных (организационных) начал. В этой связи закономерен вопрос: целесообразно ли делить принципы правосудия на судоустройственные и судопроизводственные?

По смыслу действующего законодательства такое деление принципов правомерно и необходимо³³. Принципы судоустройства и судопроизводства, будучи взаимосвязанными, образуют вместе с тем самостоятельные отраслевые системы, каждая из которых регулирует свой предмет, свой особый круг общественных отношений. Судопроизводственные принципы касаются отношений, возникающих в связи с расследованием и судебным рассмотрением уголовных дел; судоустройственные принципы обращены к отношениям, возникающим независимо от конкретного дела, в связи с организацией и структурой судебных органов, то есть к организационным отношениям. Соответственно, те и другие принципы име-

³¹ Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе, с. 66—68. В гражданском процессуальном законодательстве также нет терминов «состязательность» и «диспозитивность», но это не препятствует рассмотрению состязательности и диспозитивности как руководящих начал гражданского процесса.

³² Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса, с. 16.

³³ Т. Н. Добровольская считает возможным отделять от процессуальных принципов только такие чисто организационные начала, как подотчетность судей и народных заседателей своим избирателям или избравшим их органам, отзыв или доерочное освобождение судей и народных заседателей (Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса с. 12, 14). За деление принципов правосудия на судоустройственные и судопроизводственные, но по иным основаниям высказываются М. С. Строгович (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1, с. 175—176); Я. О. Мотовиловкер (Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса, с. 14—15); И. Л. Петрухин (Конституционные основы правосудия в СССР. — М., 1981, с. 48).

ют свое особое содержание и назначение как регуляторы различных по своему характеру отношений. По мере необходимости и целесообразности указанный момент оттеняется законом. Сравнив формулировки принципов выборности судей коллегиальности рассмотрения дел равенства прав народных заседателей и судей, данные Основами законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик (ст.ст. 7, 8, 9) и Основами уголовного судопроизводства (ст. 9), можно убедиться в том, что в одном случае закон четко выражает организационный, в другом — функциональный аспект³⁴. Какой аспект преобладает в данных принципах, сказать нельзя. Эти принципы, с одной стороны, предполагают такое построение судов, которое обеспечивало бы рассмотрение дел с участием выборных судей, действующих в условиях коллегиальности и равноправия, с другой — обеспечивают само рассмотрение дела на этой основе. Поэтому в принципах выборности судей, коллегиальности рассмотрения дел, равенства прав народных заседателей и судей, как и в других принципах правосудия с двойным содержанием, неправомерно выдвигать на первый план ни организационную, ни функциональную сторону и в зависимости от этого отчуждать их либо от процессуальной, либо от судостроительной системы. Все принципы, получившие закрепление в Основах законодательства о судостроительстве и Основах уголовного судопроизводства, имеют двойное предназначение: организационной стороной гарантируют эффективность организации правосудия в целом, процессуальной — эффективность осуществления правосудия по каждому делу.

Даже те закрепленные в Основах законодательства о судостроительстве принципы, в содержание которых традиционно вкладывается сугубо процессуальный смысл (гласность, национальный язык судопроизводства и пр.), на самом деле имеют важное организационное значение и по своей роли и по своему характеру далеко выходят за круг внутреннего механизма уголовного судопроизводства. Каждый из них обуславливает такой аспект построения су-

³⁴ В этой связи вновь обращаем внимание на то, что законодатель в зависимости от конкретных обстоятельств может придать общим и отраслевым принципам правосудия разную форму выражения и различным образом определить их место в системе отраслевого законодательства. Так, принципы, сформулированные ст.ст. 152 и 154 Конституции СССР, излагаются в Основах законодательства о судостроительстве в пяти статьях (7, 8, 9, 34, 35), причем последние две статьи вынесены за пределы раздела «Общие положения». В Основах уголовного судопроизводства ряд из этих положений в измененной редакции закрепляется в одной статье (9). Конституционный принцип участия в судопроизводстве представителей общественных организаций и трудовых коллективов (ст. 162) воспроизводится в Основах законодательства о судостроительстве в разделе «Общие положения» (ст. 16), а в Основах уголовного судопроизводства — в разделе «Производство дел в суде первой инстанции» (ст. 41). Это лишний раз подтверждает правильность мнения о том, что правовая форма выражения принципов может быть различной, как различным может быть и место нахождения принципа в законодательном акте. Суть принципа от этого не меняется.

дебной системы, без которого немыслимо было бы нормальное функционирование самих этих начал. Есть все основания рассматривать принципы судоустройства в качестве условий правильного осуществления правосудия и предпосылки применения процессуальных принципов в ходе его отправления.

Ввиду того, что предметом регулирования судоустройственных принципов являются организационные отношения, большинство норм, их выражающих, не находит непосредственного применения при осуществлении правосудия и оказывает на него регулятивное воздействие преимущественно через процессуальные начала. Лишь там, где одноименный процессуальный принцип недостаточно детализирован (например норма о выборности судей), судоустройственные и судопроизводственные принципы получают совместное применение³⁵.

Таким образом, деление принципов правосудия на судоустройственные и судопроизводственные обусловлено объективной причиной — различием предмета и метода правового регулирования. Различие это не исключает адекватности закрепления ряда принципов в одной и той же формулировке.

8. Основы не отделяют принципы от других общих положений (ст.ст. 5, 5¹, 15, 16, 18 и др.), за исключением задач, и, следовательно, ставят перед наукой и практикой цель не допустить при конструировании системы принципов ни произвольного сужения, ни произвольного расширения их круга.

Поскольку отбор принципов производится под углом зрения разнообразных критериев, постольку наряду с тенденцией сужения круга принципов³⁶ наблюдается и противоположная тенденция — неосновательное расширение его. Так, в систему принципов нередко включается судебный и прокурорский надзор, неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, телеграфных сообщений и телефонных переговоров, установление истины по делу³⁷.

Между тем ни одна из названных категорий не может быть отнесена к числу принципов уголовного судопроизводства.

Судебный надзор, осуществляемый вышестоящими судами в стадиях кассационного и надзорного производства в связи с проверкой законности и обоснованности решений нижестоящих судов, является одним из проявлений функции правосудия, реализу-

³⁵ Возможно и применение судоустройственных норм без ссылки на процессуальные нормы, например при привлечении судей к ответственности.

³⁶ Иногда из системы принципов исключается публичность процесса (ст. 3 Основ) под предлогом ее поглощения общеправовым принципом социальной законности. Однако законность поглощает все принципы судопроизводства, и исключение любого из них могло бы быть оправдано ссылкой на это обстоятельство.

³⁷ Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. — М., 1968, с. 33—34; Нажимов В. П. Дискуссионные вопросы учения о принципах советского уголовного процесса. — Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Вып. 4. Калининград, 1975, с. 3—35; Прокурорский надзор в СССР. — М., 1982, с. 172, 173, и др.

емой в рамках и на основе общих принципов уголовного процесса. Указанный надзор имеет место не по каждому уголовному делу; он не находит прямого выражения в стадии судебного разбирательства, где каждый принцип и по каждому делу получает полное и развернутое применение.

Прокурорский надзор, хотя и действует на всех стадиях и по всем делам, представляет собой также особый вид государственной деятельности, получающей специфическое выражение в уголовном судопроизводстве и осуществляемой в строгом соответствии с теми же общими принципами процесса. Будучи видом деятельности, процессуальной функцией, этот надзор не может превращаться в правило деятельности, в принцип процесса.

Конституционные положения о неприкосновенности личности, жилища, тайне переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (ст.ст. 54, 55, 56 Конституции СССР), определяющие важнейшие атрибуты правового статуса личности в обществе и ограждающие субъективные права и свободы граждан от незаконного и необоснованного ограничения, находят выражение в уголовном судопроизводстве главным образом в системе твердых процессуальных гарантий, состоящих в том, что арест обвиняемого (подозреваемого), обыск в его жилище или в помещении других лиц, наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее из почтово-телеграфного учреждения не могут быть произведены при отсутствии оснований, точно установленных законом, и без судебного решения либо санкции прокурора (ст.ст. 11, 12, 52, 96¹, 97, 167, 174, 198 и др. УПК). При наличии же таких оснований полномочные органы государства в соответствии с задачами быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных не только вправе, но и обязаны ограничить право личной неприкосновенности — арестовать обвиняемого, произвести обыск в его жилище или жилище других лиц, наложить арест на корреспонденцию и изъять ее из почтово-телеграфного учреждения.

Понятно, что содержание и характер этих процессуальных гарантий не позволяют относить указанные конституционные положения к принципам узкой области уголовного судопроизводства. Они имеют общеправовой характер, реализуются в многообразных сферах государственной и общественной жизни³⁸ и занимают место в разделе Конституции СССР «Государство и личность», а не в разделе о суде и прокуратуре.

Объективная истина как знание, полно и адекватно отражающее обстоятельства и факты объективной действительности, составляет ближайшую и непосредственную цель процесса, но не является его принципом.

³⁸ Патюлин В. А. Неприкосновенность личности как правовой институт. — Советское государство и право, 1973, № 11, с. 12—20; Рудинский Ф. М. Неприкосновенность жилища как правовой институт. — Советское государство и право, 1976, № 8, с. 28—36.

Цель и принципы — соотносительные понятия. Их нельзя смешивать, отождествлять³⁹. Цель уголовного судопроизводства предусматривает желаемый результат доказательственной деятельности, удостоверяет то, что нужно достигнуть, установить; принципы определяют пути следования к цели, предписывают, как каким образом нужно действовать, чтобы получить запрограммированный результат.

Цель лежит впереди деятельности⁴⁰ и не может быть элементом требований (принципов), предназначенных для ее достижения⁴¹. Считать же принципом требование достижения объективной истины — значит допускать легкую возможность преобразования любой цели в принцип⁴².

Интересные соображения в пользу признания истины целью и принципом процесса высказывает Я. О. Мотовиловкер. Он истолковывает положение К. Маркса о том, что «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»⁴³, в том смысле, что объективная истина одновременно дает ответ и на вопрос, что нужно достигнуть, и на вопрос, как это следует сделать. Истина-цель относится к истине-принципу, утверждает он, так, как результат относится к пути, ведущему к нему, как итог относится к разъединенным звеньям, которые в нем соединяются, как истина — к развернутой истине⁴⁴. Отсюда он делает вывод, что понятие истины-принципа равнозначно понятию всесторонности, полноты и объективности исследования⁴⁵.

Однако согласиться с приведенными соображениями нельзя.

Во-первых, все нужное для достижения объективной истины содержится не в одном, а во всех принципах уголовного процесса, совместным действием которых только и обеспечивается истинность исследования.

Во-вторых, философское понятие истины как знания, верно отражающего явления объективной действительности, вовсе не рав-

³⁹ «Основные положения и цели, — указывал В. И. Ленин, — две разные вещи... Принципы — это не цель...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 24).

⁴⁰ В. И. Ленин отмечал: «... Истина лежит не в начале, а в конце, вернее в продолжении...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 153).

⁴¹ Представляется неточным утверждение Г. М. Резника, что «постановка цели отнюдь не предопределяет средств ее достижения» (Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. — М., 1977, с. 54). Цель причинно обуславливает средство и не иначе как в средстве ее реализации получает свою определенность (Трубников Н. Н. Соотношение цели, средства и результата деятельности человека. — Вопросы философии, 1964, № 6, с. 62—68). Чтобы возбудить деятельность, нужно поставить цель и выбрать для ее достижения именно те средства, которые диктуются ею. Цели «оказываются недостижимыми частью по своему существу, частью по недостатку средств для их достижения» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306).

⁴² На это обратил внимание еще М. Л. Шифман (Шифман М. Л. Основные вопросы теории доказательственного права. — М., 1956, с. 24).

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7.

⁴⁴ Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. — Ярославль, 1974, с. 11.

⁴⁵ Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невинности и состязательности процесса. — с. 27—28.

нозначно требованию всесторонности, полноты и объективности, представляющему собой не истину-знание, а одно из условий, необходимых для его получения. Положения закона об обязанности суда обеспечить всестороннее, полное, объективное исследование обстоятельств дела и установление истины (ст.ст. 243 УПК РСФСР, 260 УПК УССР, 244 УПК БССР), об обязанности следователя направлять следствие в целях установления истины (ст.ст. 107 УПК Эстонской ССР, 118 УПК Армянской ССР) со всей очевидностью выражают взгляд законодателя на всесторонность, полноту и объективность исследования как на предпосылку установления истины, а не как на ее выражение.

Тот факт, что односторонность и неполнота следствия (ст. 343 УПК) и несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела (ст. 344 УПК) полностью исчерпывают основания отмены и изменения приговора ввиду нарушения «принципа» объективной истины при установлении фактической стороны дела⁴⁶, не подтверждает, а опровергает утверждение, что всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и установление истины — равнозначные понятия. Отмена приговора на основании ст. 343 УПК имеет место там, где существенно нарушен принцип всесторонности, полноты и объективности, призванный обеспечить достижение истины по делу, а отмена и изменение приговора на основании ст. 344 УПК — там, где при строгом соблюдении указанного принципа несоответствие выводов, изложенных в приговоре, явилось следствием иных нарушений закона. Если бы принцип, закрепленный в ст. 14 Основ, был равнозначен принципу объективной истины, то только его нарушение и могло бы привести к несоответствию выводов, а такое несоответствие возможно и при исчерпывающей полноте и всесторонности исследования.

В-третьих, не только принцип, но и промежуточная цель служит средством достижения другой, более отдаленной цели и в этом смысле также определяет истинность пути, ведущего к конечной цели. Установление истины есть процесс⁴⁷, включающий в себя различные качественные состояния и характеризующий путь движения познания от одной ступени к другой, в результате которого одно знание выводится из другого и наполняется новым содержанием. Каждый следственный и судебный акт представляет собой определенную ступень познания истины и отражает ее в том конкретном содержании, которое определяется целевым назначением и характером данного акта⁴⁸. Пока не достигнут конечный результат, по-

⁴⁶ Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса, с. 28.

⁴⁷ См.: Ленин В. И. Соч., т. 29, с. 183.

⁴⁸ Это правильное положение сформулировано харьковскими процессуалистами (Ривлин А. Л. Понятие и система принципов советского правосудия. — Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Ученые записки. Харьков, 1962, с. 34; Бажанов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном процессе. Автореф. Дис. ... докт. юр. наук. — Харьков 1967, с. 14; Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. — Харьков, 1979, с. 73.

ка ведется производство по делу и усилия направлены на его достижение, истина остается целью процесса. Лишь став результатом, истина-цель «сгорает», перестает быть тем, чем была, превращается в итог реализации принципов.

* * *

*

Изложенное об объективной обусловленности содержания принципов, правовой форме их закрепления и общих формально-логических критериях, которым должен удовлетворять каждый принцип, дает основание отнести к ним 1) публичность процесса; 2) осуществление правосудия по уголовным делам только судом; 3) осуществление правосудия по уголовным делам выборными судьями и народными заседателями; 4) участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел; 5) независимость судей и подчинение их только закону; 6) осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом; 7) гласность судопроизводства; 8) ведение судопроизводства на национальном языке; 9) обеспечение обвиняемому права на защиту; 10) презумпция невиновности; 11) участие общественности в уголовном судопроизводстве; 12) всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела; 13) оценка доказательств по внутреннему убеждению суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание; 14) состязательность процесса; 15) непосредственность исследования доказательств; 16) устность процесса.

Данный перечень принципов — не система, а только полный суммативный (неорганизованный) набор системных компонентов. Система как «упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство»⁴⁹ и ее структура — единство элементов, устойчивая упорядоченность отношений между ними, их свойствами и связями⁵⁰ предполагают внутреннюю научную группировку принципов, определенную последовательность их расположения в зависимости от выбора оснований группировки и ряда иных факторов. Но и «простое осознание в ясной форме системных принципов, без развертывания их в теоретическую систему, позволяет чрезвычайно повысить эффективность деятельности управления»⁵¹ в разных социальных сферах, в том числе и в уголовном судопроизводстве. Органы государства, ведущие уголовный процесс, должны четко представлять себе, какие именно руководящие начала движут производство по делу, какова сущность и функциональное назначение каждого из этих начал.

Предметом настоящего пособия служит часть принципов уголовного процесса, поэтому сложная проблема построения их системы в нем, естественно, не рассматривается; центр тяжести переносится на анализ заранее намеченного круга процессуальных начал.

⁴⁹ Садовский В. Н. Основания общей теории систем. — М., 1974, с. 98.

⁵⁰ Веденов М. Ф., Кремянский В. И. Соотношение структуры и функций в живой природе. — М., 1966, с. 13.

⁵¹ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. — М., 1972, с. 66.

ГЛАВА II

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПУБЛИЧНОСТИ ПРОЦЕССА, ВСЕСТОРОННОСТИ, ПОЛНОТЫ И ОБЪЕКТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ, НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ И УСТНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Принцип публичности процесса

Принцип публичности процесса состоит в том, что суд, прокурор, следователь и органы дознания обязаны в целях охраны интересов государства, общества, прав и законных интересов личности в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления и принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в его совершении, и к их наказанию независимо от воли и желания лиц, преследующих иные цели (ст. 3 Основ).

В этом принципе заложено то присущее всем отраслям государственной деятельности положение, что Советское государство не имеет ничего «частного», для него все есть «публично-правовое»⁵². Для уголовного процесса как особого государственно-правового института, специально созданного для борьбы с преступностью, публично-правовой момент особенно характерен.

Преступление всегда причиняет государству, обществу, гражданам вред, и это обязывает полномочные органы государства действовать в направлении быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и применения к ним справедливого наказания (ст. 2 Основ).

Для этого закон наделяет указанные органы властными полномочиями, предоставляя только им право применять правовые нормы, меры процессуального принуждения, производить все необходимые процессуальные действия, принимать решения о начале, движении и судьбе уголовного дела. Реализация этих полномочий обеспечивает успешность борьбы с преступностью с соблюдением всех гарантий прав личности.

Принцип публичности требует всестороннего учета мнений лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. От воли и желания лиц, участвующих в деле, зависит выполнение многих, если не большинства, процессуальных действий, и органы государства вынуждены считаться с этим, они не могут игнорировать законные и обоснованные просьбы и ходатайства указанных лиц, обязаны их поддерживать и удовлетворять. Государственные органы не могут отказаться от выполнения процессуальных действий, которые необ-

⁵² Ленин В. И. Соч., т. 44, с. 398.

ходимо произвести для раскрытия преступления, правильного расследования и разрешения дела. Защита прав и законных интересов участников процесса является публично-правовой, конституционной обязанностью органов государства и составляет конструктивный признак начала публичности (ст.ст. 4, 39, 54, 57 Конституции СССР). Каждый государственный орган, в производстве которого находится дело, обязан не только разъяснить участвующим в деле лицам их права, но и обеспечить реальную возможность осуществления этих прав (ст. 27 Основ). Органическое сочетание в активной и решительной борьбе с преступностью интересов государства с обеспечением прав и законных интересов личности, в первую очередь обвиняемого и потерпевшего, — вот альфа и омега теоретической конструкции советского принципа публичности.

Полное и неуклонное соблюдение прав участников процесса — прочная гарантия правосудия, необходимое условие борьбы с преступностью⁵³, гарантия и условие справедливого наказания виновного и ограждения невинного от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Ибо изобличить и наказать только виновного — значит не допустить привлечения к ответственности и осуждения невинного.

Если же в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ невинному причинен ущерб, то такой ущерб в случае вынесения оправдательного приговора или постановления о прекращении дела по любому реабилитирующему основанию возмещается в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а лицо официально провозглашается невинным⁵⁴. За ним сохраняется право на возмещение не только имущественного или иного ущерба, связанного, например, с пенсионными, трудовыми, жилищными и другими отношениями, но и морального ущерба — восстановление доброго имени ни в чем не повинного человека (чести, достоинства, репутации). По требованию невинного органы государства обяза-

⁵³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963, № 3, с. 5; 1967, № 2, с. 12; 1971, № 4, с. 7; 1978, № 4, с. 8; 1981, № 3, с. 9.

⁵⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и утвержденное этим Указом Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 21, ст. 741. По существу Указ и Положение устанавливают санкции за виновные и безвиновные действия должностных лиц, выразившиеся в незаконном причинении невинному того или иного вреда.

ны обнародовать факт реабилитации — направить письменное уведомление по месту работы или жительства реабилитированного, а в случаях, когда позорящие его сведения были ранее опубликованы в печати, — сделать необходимое сообщение в соответствующие редакции⁵⁵.

С началом публичности, определяющим обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда производить оценку доказательств по своему внутреннему убеждению и не придавать ни одному доказательству заранее установленной силы, теснейшим образом связано важнейшее по своему значению правило, сформулированное законом применительно к оценке признания обвиняемым своей вины. Оно состоит в том, что ущерб не подлежит возмещению, если обвиняемый путем самбоговора препятствовал установлению истины и способствовал наступлению неблагоприятных для себя последствий (ч. 3 п. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г.⁵⁶). Суть этого правила не только в том, что невиновный, ложно признавший себя виновным, лишает себя права на возмещение причиненного ему ущерба, но и в том, что оно служит предостережением для органов государства, ведущих уголовный процесс, переоценивающих иногда доказательственное значение такого признания. Как правильно подмечено в литературе, реабилитированный не лишается права на возмещение причиненного ему ущерба тогда, когда ложное признание получено под влиянием незаконных действий должностных лиц.

В этом случае, отмечает М. С. Строгович, «не обвиняемый препятствовал установлению истины, не он способствовал причинению ему ущерба, все это исходило от должностного лица органов предварительного следствия и дознания»⁵⁷.

Выражением принципа публичности служит также обязанность органов государства привлекать к раскрытию и предупреждению преступлений представителей общественности в форме и порядке, установленных законом.

1. Принцип публичности пронизывает все производство по делу и обеспечивает как достижение общих целей процесса, так и выполнение непосредственных задач в каждой его стадии.

При наличии повода и основания к возбуждению уголовного дела прокурор, следователь, орган дознания, судья обязаны в пределах своей компетенции возбудить его, назначить по нему производство и принять все меры к предотвращению, пресечению преступления и закреплению следов преступления (ст.ст. 112, 115 УПК).

⁵⁵ Б. Т. Безлепкин убедительно показал, что возмещение ущерба причиненного незаконным наложением административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, имеет уголовно-процессуальную природу (Безлепкин и Б. Т. Новые гарантии законных интересов реабилитированного. — Советское государство и право, 1982, № 6, с. 62—70).

⁵⁶ Ведомости Верховного Совета Ветна СССР, 1981, № 21, ст. 741.

⁵⁷ Строгович М. С. Признание обвиняемым своей вины в качестве судебного доказательства. — Советское государство и право, 1982, № 4, с. 73—74.

При производстве предварительного следствия следователь принимает самостоятельно все решения о направлении следствия и выполнении следственных действий, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. По расследуемым им делам он вправе давать органам дознания поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий и требовать от них содействия при производстве отдельных следственных действий (ст. 127 УПК). В свою очередь прокурор должен организовать надзор за следствием так, чтобы на основе точного соблюдения всех требований закона «ни один случай преступления не проходил нераскрытым»⁵⁸, ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало установленной законом ответственности и чтобы никто не подвергнулся незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах (ст. 28 Закона о Прокуратуре СССР)⁵⁹.

Судья или суд в распорядительном заседании обязаны принять к своему производству любое дело, поступившее от прокурора с обвинительным заключением, выяснить, имеются ли фактические и юридические основания для рассмотрения его в стадии судебного разбирательства, и принять основанное на законе решение (ст.ст. 221, 222, 228 УПК).

Рассматривая дело по существу, суд направляет судебное следствие в сторону всестороннего, полного и объективного исследования дела и установления истины, обеспечивает постановление законного и обоснованного приговора, воспитательное и предупредительное воздействие судебного процесса (ст.ст. 243, 301, 321 УПК). В своих выводах он не связан мнением участников судебного разбирательства. Ни отказ прокурора от обвинения, ни признание подсудимым своей вины не освобождают суд от обязанности продолжить разбирательство дела и на общих основаниях решить вопрос о виновности или невиновности подсудимого (ст.ст. 77, 248 УПК).

Публично-правовой характер носят нормы, регламентирующие условия и порядок изменения обвинения, возбуждения уголовного дела по новому обвинению и в отношении новых лиц (ст.ст. 254—256 УПК).

В соответствии с принципом публичности прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение, а суд выносит свой приговор именем государства (ст.ст. 40, 43 Основ).

В кассационном производстве публичное начало проявляет себя как в обязанности прокурора опротестовать каждый незаконный

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 412.

⁵⁹ Подробно о проявлении принципа публичности в этой стадии см. в работе: Альперт С. А. Принцип публичности (официальности) и его значение в деятельности органов предварительного расследования. — Ученые записки. Вып. 9. — Харьков, 1957.

и необоснованный приговор (ст. 44 Основ), так и в обязанности суда рассмотреть дело в ревизионном порядке, то есть в полном объеме, в отношении всех осужденных, как обжаловавших, так не обжаловавших приговор или в отношении которых не был принесен протест (ст. 45 Основ). Возбуждение кассационного производства по жалобам участников процесса не ослабляет силу принципа публичности, оно характеризует особенности его осуществления. Кассационная инстанция видит в жалобе повод к пересмотру приговора, дело же проверяет в полном объеме, под углом зрения всех оснований и не ограничивает себя доводами кассатора.

Обнаружив неправосудность судебного решения, вступившего в законную силу, правомочное должностное лицо обязано принести протест в соответствующую надзорную инстанцию, а последняя должна проверить дело в ревизионном порядке и вынести по нему решение (ст.ст. 371, 374, 379, 380 УПК).

2. Основанное на принципе публичности сочетание интересов государства с гарантиями публичности реально там, где осуществление обвиняемым своих прав на защиту законных интересов рассматривается самим законодателем как проявление гарантий правосудия⁶⁰.

Если же считать, что охрана прав и законных интересов обвиняемого противоречит в ряде случаев целям правосудия и что при столкновении интересов государства и интересов личности законодатель в зависимости от конкретных обстоятельств отдает предпочтение либо государству, либо личности⁶¹, то об указанном единстве принципа публичности говорить не приходится: начало публичности раздваивается и становится на службу либо одним, либо другим интересам.

Выдвинувший такую точку зрения о соотношении интересов государства и личности в процессе Я. О. Мотовиловкер в обоснование ее приводит примеры⁶², когда законодатель, в частности, берет под охрану интересы личности в ущерб целям судопроизводства. Это находит выражение в нормах закона, не допускающих применения к обвиняемому в качестве меры пресечения содержание под стражей по делам о преступлениях, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы (ст. 96 УПК), воспрепятствующих кассационной инстанции отменять приговор за мягкостью наказания на основе жалобы осужденного (ст. 340 УПК), не разрешающих по истечении года с момента вступления приговора в законную силу ухудшать положение ошибочно оправданного лица (ст. 373 УПК).

⁶⁰ Как вид гарантий правосудия рассматривают процессуальные гарантии обвиняемого М. С. Строгович (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1, с. 56—60), Т. Н. Добровольская (Добровольская Т. Н. Гарантии прав граждан в советском уголовном судопроизводстве. — Советское государство и право, 1980, № 2, с. 128—135) и др.

⁶¹ Мотовиловкер Я. О. О гарантиях интересов личности и правосудия. — Советское государство и право, 1974, № 6, с. 103.

⁶² Там же, с. 103—104.

Эта точка зрения не может быть признана правильной. Законодатель никогда не ставит интересы личности выше интересов государства и не провозглашает заведомо неосуществимых задач. В любом случае конфликта между благом государства (общества) и благом личности вопрос неизменно решается в пользу государства. «Часть, — отмечал В. И. Ленин, — должна сообразоваться с целым, а не наоборот»⁶³.

Не составляют исключения и законоположения, на которые ссылается Я. О. Мотовиловкер.

Нахождение на свободе обвиняемого, препятствующего установлению истины по указанной категории дел, возможно, в какой-то мере осложняет раскрытие преступления, но не делает это непреодолимым. Для государства гораздо важнее здесь выдержать общий принцип уголовной политики: преступление, не влекущее за собой лишения свободы, не может быть основанием для содержания обвиняемого под стражей.

Ни малейшим образом не противоречит цели справедливого наказания и запрет «преобразования к худшему». Если бы действовало иное правило, осужденный воздержался бы в ряде случаев от обжалования неправосудного, с его точки зрения, приговора, что лишило бы кассационную инстанцию возможность реагировать на каждую допущенную по делу судебную ошибку и исправить ее. Опасение, что запрет «преобразования к худшему» не исключает вступления в законную силу несправедливого приговора, напрасно: действующая система судебного надзора служит достаточно надежной гарантией отмены каждого неправосудного приговора.

Что касается недопустимости пересмотра оправдательного приговора по истечении года со дня вступления его в законную силу, то это принципиальное положение основано на том, что закон требует разумно быстрого осуществления задачи изобличения и осуждения виновного (ст. 2 Основ) и устанавливает на случай его необоснованного оправдания вполне достаточный срок, в пределах которого приговор может быть пересмотрен. Непринесение в этот срок надзорного протеста уполномоченными на то должностными лицами есть прямое нарушение ими обязанностей, вытекающих из принципа публичности⁶⁴.

Устоям и духу советского уголовного судопроизводства, цели охраны прав и свобод советских граждан (ст. 2 Основ) противоречила бы угроза в течение длительного срока вернуть реабилитированного на скамью подсудимых. Отмена оправдательного приговора в отношении такого лица обернулась бы общим недоверием к правосудию и в конечном счете принесла бы обществу вред, по сравне-

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 362. На это же указывает Ю. В. Андропов в своей статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» (Коммунист, 1983, № 3, с. 19).

⁶⁴ Убедительные аргументы в пользу такого решения вопроса приводит М. С. Строгович (Строгович М. С. Конституционные основы правосудия в СССР. — М., 1981, с. 321—322).

нию с которым социальный выигрыш в конкретном деле был бы мизерным.

Следует со всей определенностью сказать: процессуальные гарантии обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве составляют звено общей цепи процессуальных гарантий правосудия. Это лишний раз свидетельствует о том, что служение принципу публичности интересам государства и общества—это и служение законным интересам личности.

3. Своеобразное применение находит принцип публичности по делам о преступлениях, преследуемых в порядке частного и частично-публичного обвинения (ст. 27 УПК).

Производство по делам частного обвинения (ст.ст. 112, 130 и ч. 1 ст. 131 УК)⁶⁵ характеризуется наличием у потерпевшего широких диспозитивных прав, позволяющих ему активно влиять на возникновение, ход и исход дела. По общему правилу дела этой категории возбуждаются судьей по жалобе потерпевшего и подлежат прекращению, если были возбуждены при отсутствии такой жалобы (ч. 1 ст. 27, п. 7 ст. 5 УПК); они автоматически прекращаются за примирением потерпевшего с подсудимым в любой стадии процесса, вплоть до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора (ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 259 УПК); обвинение по ним поддерживает потерпевший, его отказ от обвинения, как и неявка в судебное заседание без уважительной причины, влечет за собой обязательное прекращение дела, если против этого не возражает подсудимый (ч. 2 ст. 253 УПК)⁶⁶.

Отмеченные особенности, по мнению некоторых ученых, не противоречат публично-правовой природе уголовного судопроизводства и существенно не ограничивают принципа публичности, содержание которого не исчерпывается порядком возбуждения и прекращения дел⁶⁷.

С подобным соображением можно было бы согласиться, если бы оно касалось общей оценки природы дел частного обвинения и не затрагивало содержания публичного начала. Действительно, уголовное судопроизводство по делам частного обвинения не утрачивает публично-правовых черт, происходит во имя публично-правовых интересов и создает публично-правовые отношения. Здесь, как

⁶⁵ УПК некоторых союзных республик включают в перечень дел частного обвинения самоуправство (ч. 1 ст. 27 УПК УССР, ч. 2 ст. 372 УПК Узбекской ССР), причинение по неосторожности легкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 111 УПК Латвийской ССР). УПК Литовской ССР относит клевету к делам публично-частного обвинения.

⁶⁶ Природа и особенности производства дел частного обвинения обстоятельно исследованы в работах: Катькало С. И., Лукашевич В. З. Судопроизводство по делам частного обвинения. — Л., 1972; Альберт С. А. Производство по уголовным делам, возбужденным по жалобе потерпевшего. — Харьков, 1976; Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. — М., 1971, с. 320—337; он же. Очерк теории прокурорского надзора. — М., 1975, с. 78—84.

⁶⁷ Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса, с. 74; Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. — М., 1956, с. 84—85.

и по всем делам, государственный орган выступает в качестве непереманного субъекта уголовно-процессуальных отношений. Преследование по такого рода делам законодатель не считает «частным делом»⁶⁸. Напротив, он исходит из того, что вред, причиняемый потерпевшему преступлением, «всегда означает нарушение общественных отношений, участником которых потерпевший является» и это «делает его опасным не только для самого потерпевшего, но и для общества в целом»⁶⁹. Однако это преследование осуществляется в условиях резкого ограничения принципа публичности потому, что дела эти имеют особую природу и рассмотрение их в особом порядке в большей мере соответствует публично-правовым целям процесса⁷⁰. Поэтому законодатель в интересах самого же государства (и, конечно, личности) при определенных условиях ограничивает содержание того или другого принципа процесса, в том числе принципа публичности. Публичность в своем конкретном содержании, как и всякий принцип, служит целям процесса⁷¹.

Главным ограничением принципа публичности является то, что жалоба потерпевшего служит основным поводом к возбуждению дела, а обоюдное согласие потерпевшего и обвиняемого закончить дело миром — юридическим фактом, порождающим обязанность суда прекратить начатое производство по делу⁷². Право (обязанность) прокурора возбудить дело частного обвинения при отсутствии жалобы потерпевшего, когда дело имеет особое общественное значение или когда потерпевший в силу беспомощного состоя-

⁶⁸ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса, с. 85.

⁶⁹ Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве. — Потерпевший от преступления, Владивосток, 1974, с. 20.

⁷⁰ Преступления, преследуемые в порядке частного обвинения, обладают относительно небольшой степенью общественной опасности и возникают обычно на почве бытовых отношений. Отсюда стремление законодателя предоставить гражданам возможность самим урегулировать возникший между ними конфликт и нормализовать обстановку. Отсюда же право потерпевшего, с учетом характера содеянного и сложившихся на данный момент взаимоотношений с обидчиком, решить, надо ли настаивать на возбуждении дела, а в дальнейшем и на осуждении виновного.

⁷¹ Верховный Суд РСФСР в строгом соблюдении норм об ответственности за данные преступления усматривает гарантию конституционных прав граждан на судебную защиту от посягательств на их здоровье, честь и достоинство, средство воспитания у них чувства уважения к закону и нормам поведения, условие, способствующее ликвидации возникших на личной почве конфликтов и предупреждению в ряде случаев связанных с ними более тяжких преступлений (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 12, с. 5).

⁷² Основная неувязка в правовой регламентации дел частного обвинения следующая. Поскольку наличие составов рассматриваемых преступлений, кроме оскорбления, не зависит ни от восприятия потерпевшим совершенных деяний, ни от последующих взаимоотношений потерпевшего с виновным, было бы правильным, чтобы и вопрос об условиях освобождения виновного от наступления последствий, предусмотренных ст. 112 и ч. 1 ст. 130 УК, решался нормами уголовного, а не процессуального права. Процессуальный закон не должен устанавливать обстоятельство, влекущих за собой обязательное прекращение уголовно-правовых отношений, если об этом нет специальной оговорки в тексте материального закона.

ния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам не в состоянии защитить свои права и законные интересы, носит строго ограничительный характер; по букве закона оно реализуется в исключительных случаях. Это подчеркивается и обязанностью прокурора, возбудившего дело без жалобы потерпевшего, привести в постановлении мотивы, указывающие на особое общественное значение дела (особый цинизм, дерзость, личность потерпевшего и пр.). Без приведения в постановлении требуемых законом мотивов возбужденное дело не меняет своего процессуального характера, продолжая оставаться делом частного обвинения. Таковым оно остается и тогда, когда прокурор утверждает обвинительное заключение по одной из статей УК, перечисленных в ч. 1 ст. 27 УПК, по делу, которое было им, следователем или органом дознания возбуждено как дело публичного обвинения и расследовалось в общем порядке⁷³. Обвинительное заключение не заменяет постановления о возбуждении дела и не означает акта, трансформирующего частное обвинение в публичное. Только тогда, когда прокурор возбуждает дело частного обвинения со ссылкой на одно из указанных законом условий, дело с самого начала становится публичным и производство по нему ведется в общем порядке.

Надо заметить, что различие компетенции прокурора и судьи при возбуждении дела частного обвинения накладывает отпечаток на объем и формы выражения публичности в их деятельности. Поскольку прокурор полномочен возбудить дело без жалобы потерпевшего, а судья такого права не имеет, принцип публичности проявляется только в действиях прокурора.

В иных ситуациях публичность полнее характеризует действия судьи, нежели прокурора. Если прокурор вне условий, названных в ч. 3 ст. 27 УПК, не выносит решений по жалобе потерпевшего, ограничиваясь направлением ее вместе с материалом по подсудности и принятием при необходимости мер по предупреждению и пресечению преступлений, то судья по каждой жалобе обязан вынести решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

С разных сторон характеризует принцип публичности полномочия прокурора и суда признать в судебном заседании дело частного обвинения имеющим публичное значение.

С соблюдением условий, названных в ч. 3 ст. 27 УПК, прокурор вправе в любой момент вступить в дело, возбужденное судьей по жалобе потерпевшего, и своим участием в процессе придать ему публичный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями (ч. 4 ст. 27 УПК)⁷⁴. Суд таким правом не наделен. Лишь

⁷³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 3, с. 15.

⁷⁴ Неверно, что после возбуждения судьей дела прокурор не связан указаниями ч. 3 ст. 27 УПК и может вступить в процесс по каждому делу (Научно-практический комментарий к УПК РСФСР. — М., 1970, с. 52). Такого рода действия прокурора лишали бы всякого смысла установленные для него

УПК УССР (ч. 3 ст. 27) декретирует право суда в целях охраны государственных или общественных интересов вынести мотивированное определение о придании делу публичного характера и продолжить производство по делу в общем порядке независимо от отношения к нему потерпевшего и обвиняемого. Правда, УПК остальных союзных республик не исключают возможности суда придать частному обвинению публичный характер, но использование этой возможности сопряжено с назначением судом предварительного расследования, что часто не вызывается необходимостью, во всяком случае, когда дело может быть быстро и правильно разрешено без производства следственных действий (см., например, ч. 1 ст. 126 УПК)⁷⁵.

Само производство по делам частного обвинения, если оно не носит примирительного характера, без учета некоторых особенностей, связанных с организацией обвинения, целиком подчинено началу публичности. Так же, как и по делам публичного обвинения, суд направляет судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины и вынесению законного и обоснованного решения⁷⁶.

По делам частного-публичного обвинения (ч. 1 ст. 117, ст. 141 УК), которые возбуждаются по жалобе потерпевшего, но в дальнейшем производство по которым ведется в общем порядке, ограничения принципа публичности касаются только процедуры возбуждения дел (чч. 1 и 2 ст. 27 УПК).

Дела о нарушении авторских и изобретательских прав возбуждаются прокурором без жалобы потерпевшего по правилам возбуждения дел частного обвинения. Дела же об изнасиловании без отягчающих обстоятельств возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшей.

Устанавливая такой порядок возбуждения дел по признакам ч. 1 ст. 117 УК, законодатель учитывает особое положение потерпевшей, нежелательность для нее возможной огласки преступле-

ограничения при возбуждении дел частного обвинения. Спорно также мнение, согласно которому формула закона «вправе в любой момент вступить в дело» позволяет прокурору принять участие в стадии кассационного производства, в частности опротестовать оправдательный приговор суда, вынесенный по делу частного обвинения (см. Альперт С. А. Производство по уголовным делам, возбужденным по жалобе потерпевшего, с. 35). Условия вступления прокурора в дело соединены законом с поддержанием обвинения, иначе говоря, с его участием в судебном разбирательстве.

⁷⁵ Предоставление суду такого права важно и в том отношении, что он не может ни при каких условиях не принять примирения потерпевшего с подсудимым, а обязан прекратить дело, даже если примирение противоправно. При наличии же проектируемого права суд, установив, что примирение носит фиктивный характер и осуществляется под воздействием угроз, подкупа или каких-либо других насильственных мер, не прекратит такое дело, поскольку оно безусловно имеет особое общественное значение. (См. об этом: Катало С. И., Лукашевич В. З. Судопроизводство по делам частного обвинения, с. 126).

⁷⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 1, с. 5—8.

ния, которая может усугубить душевные страдания, и в целях охраны интересов потерпевшей идет на оправданное отступление от принципа публичности. Такое отступление, однако, ничем не оправдано там, где потерпевшая находится в беспомощном состоянии (психическая болезнь, физические недостатки и пр.) и неспособна выступить в защиту своих интересов⁷⁷.

Правильно решен этот вопрос в тех УПК, которые в подобных случаях обязывают прокурора стать на стражу охраны интересов потерпевшей и возбудить дело без ее жалобы⁷⁸.

§ 2. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела

В соответствии со ст. 14 Основ (ст. 20 УПК) суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выяснить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства. Данный принцип обращен к фактической стороне дела и направлен на установление всех обстоятельств и фактов, имеющих значение для правильного расследования, судебного рассмотрения и разрешения дела. Его требования отражают основные положения марксистско-ленинской диалектики об исследовании каждого явления во всех его связях и опосредованиях, со всеми присущими ему противоречиями, определяют общие направления, условия и содержание процесса доказывания⁷⁹.

Верховный Суд СССР и Прокуратура СССР придают принципу всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела значение первоосновы установления истины по делу и постоянно обращают внимание на необходимость его строгого соблюдения во всех стадиях уголовного процесса⁸⁰.

1. Объединение законодателем требований всесторонности, полноты и объективности в одной норме продиктовано тем, что только в совокупности они образуют общий принцип процесса, раскрывают его содержание, направленность и характерные черты и, следовательно, являются его составными компонентами. Каждый из них

⁷⁷ Ларин А. М. Законность и публичное начало в судопроизводстве. — Конституционные основы правосудия в СССР. — М., 1981, с. 256.

⁷⁸ Статья 102 УПК Армянской, ст. 115 УПК Грузинской, ст. 126 УПК Литовской, ст. 88 УПК Казахской, ст. 96 УПК Киргизской, ст. 372 УПК Узбекской ССР и др.

⁷⁹ Дьяченко М. С., Петренко В. М. Дознание и предварительное следствие в советском уголовном процессе. — М., 1960, с. 16; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. — М., 1976, с. 83.

⁸⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963 № 3, с. 4; 1967, № 2, с. 10; 1967, № 6, с. 24; 1977, № 1, с. 13; 1978, № 3, с. 25—26; 1979, № 4 с. 4; 1981, № 1, с. 11; 1982, № 1, с. 9, 18; 1982, № 4, с. 14; Советская прокуратура. — М., 1981, с. 166, 196.

в единстве с другими распространяет свое действие на исследование обстоятельств и доказательств. Статья 14 Основ обязывает исследовать все обстоятельства, имеющие значение для дела, а связанные с ней либо конкретизирующие ее нормы указывают на необходимость привлечения к делу достаточной совокупности доказательств, их всесторонней, полной и объективной проверки и оценки (ч. 1 ст. 69, ч. 3 ст. 70, ч. 1 ст. 71, п. 3 ст. 343 УПК). Поэтому принцип всесторонности, полноты и объективности может быть определен и как начало, выражающее обязанность суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, тщательно исследовать все обстоятельства, имеющие значение для дела, привлекать, использовать, проверять и оценивать такую совокупность относимых доказательств, которая гарантирует достоверность выводов о наличии или отсутствии данных обстоятельств.

Понятия всесторонности, полноты и объективности взаимообусловлены и взаимопроникаемы, но не взаимозаменяемы. Наличие теснейшей связи между ними не лишает их определенной самостоятельности.

Всесторонность исследования означает выяснение со всех сторон юридически значимых обстоятельств и относимых доказательств со всеми присущими им свойствами, качествами и признаками, их связей, отношений и зависимости друг от друга, причин и следствий, сопутствующих совершенному преступлению, и его последствий⁸¹.

Изучение предмета со всех сторон, подчеркивал В. И. Ленин, всех его связей и опосредствований обеспечивает его действительное познание⁸². Исследование всей совокупности обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих и смягчающих его вину, и всех доказательств, при помощи которых устанавливаются эти обстоятельства, позволяет воссоздать подлинную картину совершенного преступления, вскрыть корни причин и условий его совершения, дать правильную оценку личности преступника и вынести законное и обоснованное решение.

Всесторонности исследования способствует построение и тщательная проверка всех объективно возможных версий, вытекающих из материалов дела. Своевременное выдвижение и проверка версий

⁸¹ Так как в реальной действительности «существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 547), всесторонность исследования не может определяться как выяснение всех свойств, подлежащих установлению по делу (Давлетов А. А. Односторонность или неполнота уголовно-процессуального исследования как основание пересмотра приговора. Автореф. Дисс... канд. юр. наук. — Свердловск, 1980, с. 11). Доказыванию подлежат не отдельные свойства, черты и детали искомых фактов, а сами факты как носители неповторимой совокупности свойств и качеств (Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. — Казань, 1976, с. 50).

⁸² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

определяют направление доказательственной деятельности, служа ее логической основой. Версии предотвращают односторонность и субъективизм и обеспечивают действительную возможность всестороннего исследования всех обстоятельств и доказательств и достижения истины по делу⁸³.

Полнота исследования заключается в выяснении всех обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, всех эпизодов и фактов преступной деятельности обвиняемого и его соучастников и в привлечении к делу такой совокупности доказательств, которая позволяет выполнить эту задачу. Для получения истинных знаний исследователю необходимо «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения»⁸⁴ и «не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять факты и документы»⁸⁵.

Полнота исследования характеризует объем и пределы доказывания, указывает, какие обстоятельства и в каких границах должны быть установлены, какая совокупность доказательств должна быть исследована и использована как достаточная для принятия законного и обоснованного решения.

Таким образом, грань различия между всесторонностью и полнотой видится в качественно-количественной характеристике исследования, а не в том, что понятием всесторонности охватывается только выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию, а понятием полноты — исследование доказательств, необходимых и достаточных для установления этих обстоятельств⁸⁶. Всесторонне и полно должны быть исследованы как обстоятельства, так и доказательства.

Требования всесторонности и полноты лежат в основе правил о соединении и выделении уголовных дел (ст. 26 УПК).

Объективность как категория, обозначающая правильное отражение в сознании явлений реальной действительности, определяет такой подход к исследованию, который одинаково учитывает все обстоятельства, говорящие как за, так и против обвиняемого, выражает отвечающее этому отношению к собиранию, проверке и оценке доказательств и ведет к формированию достоверных выводов по делу. «... Объективность рассмотрения (не примеры,

⁸³ Играя роль логического приема, версии не составляют отдельного элемента доказывания, так как не только предшествуют началу доказательственной деятельности, но и сопровождают весь процесс доказывания (Лупинская П. А. Рецензия на работу: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин Д. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1978. — Советское государство и право, 1979, № 5, с. 151; Михеенко М. М. Гносеологическая и юридическая сущность уголовно-процессуального доказывания. — Проблемы социалистической законности. Харьков, 1982, № 10, с. 79).

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 67.

⁸⁶ Николайчик В. И., Матвиенко Е. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. — Минск, 1969, с. 26—28, 84—86. Ранее такая точка зрения разделялась и нами.

Кант

не отступления, а вещь сама в себе)»⁸⁷, — вот в чем, по В. И. Ленину, суть этого понятия.

Объективность — правовое и нравственное требование, предъявляемое к уголовно-процессуальному доказыванию, состоящее в беспристрастном, непредвзятом и добросовестном отношении органов государства к фактическому материалу и исключающее с их стороны субъективизм, ведущий к обвинительному либо оправдательному уклону.

Процессуальное решение не должно вызывать никаких сомнений в пристрастии лиц, на которых падает обязанность доказывания. Тот, кто лично, прямо или косвенно, заинтересован в деле, подлежит отводу (ст. 18 Основ).

Объективность способствует достоверности знания как необходимому условию его превращения в факт, вследствие чего ее антипод — необъективность наличествует как там, где должностное лицо, виновное в предвзятом, тенденциозном отношении к обвиняемому или другим участникам процесса, принимает необоснованное решение, так и там, где оно не проявляет предвзятости и пристрастия, но по той или иной причине делает вывод, не отражающий или искажающий действительное положение вещей⁸⁸.

Необъективность всегда является следствием односторонности, но часто служит и ее причиной. «Кто отказывается от этой объективной точки зрения, тот, впадая в односторонность, отдается во власть недобрых чувств к отдельным лицам»⁸⁹.

Рассмотрим теперь, как проявляет себя принцип всесторонности, полноты и объективности при исследовании обстоятельств и доказательств по делу.

2. К обстоятельствам, подлежащим обязательному установлению по каждому уголовному делу, относятся обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 15 Основ). Они обладают такими уголовно-правовыми, криминологическими и процессуальными свойствами, которые делают их значимыми для всех уголовных дел. Одностороннее и неполное исследование любого из них всегда свидетельствует о недостижении истины по делу и влечет за собой безусловную отмену приговора (ст. 343 УПК)⁹⁰.

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

⁸⁸ В специальной литературе объективность обычно понимается как непредвзятость при установлении и оценке обстоятельств дела (см., например: Здриковский В. А. Объективность, всесторонность и полнота предварительного расследования в советском уголовном процессе. Автореф Дис. ... канд. юр. наук. — Свердловск, 1960, с. 9—12). На однобокость такой трактовки объективности правильно обратил внимание Я. О. Мотовиловкер (Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса, с. 27).

⁸⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 212.

⁹⁰ Исключение составляет неустановление причин и условий совершения преступления. При таком нарушении закона отмена приговора с направлением дела на доследование или новое судебное рассмотрение производится тогда, когда неустановление указанного обстоятельства воспрепятствовало правильному разрешению дела (Омельяненко Г. Отмена приговора в связи с одно-

Исследованию подлежат все обстоятельства, как в положительном, так и отрицательном выражении (наличие-отсутствие события преступления, виновность-невиновность обвиняемого и т. д.). Поэтому нельзя интерпретировать ст. 15 Основ в том смысле, что в рамках предмета доказывания выяснению подлежит только виновность обвиняемого, его же невиновность не доказывается, а презюмируется, устанавливается от противного, в форме так называемого апагогического доказательства⁹¹.

Сопоставление ст. 15 Основ с другими нормами, в частности со ст. 14 Основ, обязывающей выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, и со ст. 16 Основ, указывающей на необходимость установления наличия или отсутствия общественно опасного деяния, показывает, что предмет доказывания равноценно сочетает те и другие обстоятельства. Иначе и не может быть. Вывод об отсутствии события преступления (п. 1 ст. 5 и ч. 5 ст. 43 Основ) может быть сделан только тогда, когда положительно доказано, что само деяние, по поводу которого велось производство по делу, не имело места в действительности, а вывод об отсутствии состава преступления (п. 2 ст. 5 и ч. 5 ст. 43 Основ) возможен, если сам факт деяния, совершенного обвиняемым, бесспорно установлен, но в нем отсутствуют те или иные уголовно-правовые признаки, в том числе субъективная сторона. Но и тогда, когда реабилитация обвиняемого производится ввиду недоказанности обвинения (п. 2 ст. 208 УПК, ч. 5 ст. 43 Основ), вывод о его невиновности является следствием не того, что невиновность не выяснялась (она выяснялась, как и виновность), а того, что в результате доказывания всех обстоятельств дела не было собрано достаточных доказательств, позволяющих утверждать, что данное преступление совершил именно обвиняемый. В этом случае единственно возможным и допустимым выводом, вытекающим из презумпции невиновности, является вывод о невиновности обвиняемого.

Доказывание одной лишь виновности обвиняемого и презюмирование его невиновности внесло бы в исследование элементы односторонности и неполноты. Против этого и направлено правило о толковании сомнений, которое, по справедливому замечанию В. М. Савицкого, «служит дополнительным стимулом для органов обвинения и суда в их стремлении максимально полно и точно выяснить все обстоятельства дела, устранить любые возможные сомнения в правильности выводов, к которым они пришли»⁹², то есть стимулом одинаково тщательно исследовать как уличающие, так

сторонностью или неполнотой дознания, предварительного или судебного следствия. — Радянське право, 1981, № 2, с. 34; Богословская Л. А. Основания к отмене или изменению приговора. — Харьков, 1981, с. 38—39).

⁹¹ Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде, с. 211; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательства в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1978, с. 246—248.

⁹² Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде, с. 189.

и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, доказывать его невиновность так же, как и вину⁹³.

Кроме обстоятельств, относящихся к предмету доказывания, всестороннему, полному и объективному исследованию подлежат и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ст.ст. 69, 74, 76, 131, 205, 276 и др. УПК). О них в законе сказано в самом общем виде, ибо всего многообразия юридически значимых обстоятельств предусмотреть невозможно. Поэтому, исследуя дело под углом зрения ст. 14 Основ, необходимо всякий раз взвешивать удельный вес и значение данных обстоятельств, учитывать их связь с остальными обстоятельствами, в первую очередь с теми, которые составляют предмет доказывания, принимать во внимание, в какой мере они могут оказать влияние на общий вывод и к каким последствиям может привести неисследованность этих обстоятельств. Важно при этом учитывать, что судебно-следственная практика типизировала целый ряд таких вспомогательных обстоятельств, выяснение которых, как правило, существенно влияет на обоснованность конечных выводов по делу. Сюда относятся данные о личности потерпевшего, его взаимоотношениях с обвиняемым, особенно по делам об убийстве; обстоятельства, указывающие на сходство способа совершения преступлений, что позволяет предполагать их осуществление одним лицом; сведения, свидетельствующие о том, что обвиняемый склонял свидетелей к даче ложных показаний, инструктировал родственников, как следует объяснить те или иные обстоятельства, и т. д. и т. п. Неисследованность этих обстоятельств вызывает те же последствия, что и неисследованность обстоятельств, входящих в предмет доказывания⁹⁴.

3. Достоверное установление обстоятельств достижимо при условии привлечения к делу необходимой совокупности доказательств и их всесторонней и объективной проверки и оценки. Неоправданное сужение объема доказательств ограничивает объем доказывания, приводит к неисследованности указанных обстоятельств. Все доказательства, способствующие выявлению значимых для дела обстоятельств, должны быть тщательно исследованы, проверены и оценены.

Какие именно доказательства должны быть исследованы, зависит от содержания той информации, которую они несут, и ее зна-

⁹³ Мотовиловкер Я. О. О существе дела и формах уголовного судопроизводства. — Советское государство и право, 1976, № 11, с. 77; Тыричев И. В., Винокурова Л. В. Некоторые общие вопросы теории принципов уголовного судопроизводства в связи с Конституцией СССР. — Актуальные проблемы суда, арбитража и прокурорского надзора в свете Конституции СССР 1977 года. Труды ВЮЗИ. М.: ВЮЗИ, 1979, с. 88—89.

⁹⁴ В этой связи мы решительно возражаем против утверждения, что на правильность разрешения дела влияет только установление обстоятельств, образующих предмет доказывания (Воробьев Ю. А. Неполнота следствия как процессуальное основание возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. — Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. М., 1980, с. 129).

исследовать обстоятельство

чения для дела. По этой причине закон не определяет существенности того или иного доказательства, не ставит относимость доказательств в зависимость от их видов, предоставляя суду, прокурору, следователю и лицу, производящему дознание, возможность самим решить эти вопросы, исходя из того, какое значение они имеют для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и к каким последствиям может привести отказ от их исследования. Существенность доказательства определяется значимостью того обстоятельства (и границами его исследования), которое оно должно установить. Определения влияния на всесторонность, полноту и объективность не требуют лишь заключение эксперта по делу, по которому обязательно проведение экспертизы. Оно признается законом безусловно существенным, и его отсутствие всегда указывает на пробелы исследования, нарушает требования его всесторонности, полноты и объективности (п. 1 ст. 343 УПК).

4. Всесторонность и полнота исследования имеет свои границы. Результатом исследования должны быть требуемые для дела выводы, которые должны охватывать материал, имеющий юридическое значение. Все, что стоит в отдаленной связи с делом, заведомо не имеет значения для его правильного разрешения, не может и не должно быть предметом исследования (ч. 2 ст. 243 УПК). Включение в предмет исследования всего бесконечного множества обстоятельств и фактов, их бесчисленных свойств, качеств и признаков засоряет процесс доказывания, выдвигает нередко на первый план случайные обстоятельства, сдвигает, а порой и искажает перспективу исследования, «ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»⁹⁵.

Характерно, что и в тех случаях, когда следственные органы и суд, отступив от принципа всесторонности, полноты и объективности, не исследовали тех или иных обстоятельств, закон в зависимости от особенностей и значимости этих обстоятельств, стадии процесса, условий процессуальной деятельности и некоторых других факторов выражает различное отношение к этому нарушению.

Особое значение имеет всесторонность, полнота и объективность судебного разбирательства — стадии, где испытывает себя на прочность доказательственное здание, построенное следователем, где суд производит новое, самостоятельное исследование и основывает свой приговор лишь на данных, рассмотренных в судебном заседании (ч. 1 ст. 43 Основ).

Если неисследованность юридически значимых обстоятельств, имевшая место при расследовании дела, не может быть устранена в судебном следствии, суд направляет дело на дополнительное рас-

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

следование (п. 1 ст. 232, ч. 1 ст. 258 УПК)⁹⁶. При наличии же возможности суд сам восполняет пробелы исследования. Для этого он наделен достаточными полномочиями по собиранию и исследованию доказательств. Невыполнение им этой обязанности в условиях, когда пробелы расследования могут быть восполнены в судебном заседании, является грубым нарушением требования закона (ч. 1 ст. 70, п. 1 ст. 258 УПК)⁹⁷. Если же пробелы расследования не восполнены в судебном заседании (неисправленная ошибка следователя есть ошибка самого суда) или если при надлежащей его полноте суд сам допустил существенную неполноту или односторонность судебного следствия, приговор подлежит обязательной отмене⁹⁸. Речь идет именно о существенной неполноте (односторонности) судебного следствия, то есть о такой неполноте, которая повлияла или могла повлиять на правильность разрешения дела (ч. 1 ст. 343 УПК). Если же односторонность (неполнота) исследования не повлияла и не могла повлиять на правильность выводов, изложенных в приговоре, она не является существенной и не требует отмены приговора⁹⁹.

5. Принцип всесторонности, полноты и объективности возлагает на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, обязанность доказывания по делу и не допускает возможности переложения ее на участников процесса, в первую очередь на обвиняемого (ч. 2 ст. 14 Основ). Это стержневое правило процесса доказывания, определяющее его суть и содержание, служит проявлением того интереса, который связан с положением, целями и задачами органов государственства в уголовном процессе. Государственные органы ответственны за ход и исход уголовного дела, они собирают, проверяют и оценивают доказательства по своему служебному долгу и по своей инициативе независимо от ходатайств и материалов, представленных участниками процесса, которые действуют в целях защиты своих интересов и в своих выводах не обязаны руководствоваться требованиями всесторонности, полноты и объективности. Переложение на участников процесса обязанности доказывания, грубо нарушая их права и законные интересы, противоречит положениям ст. 14 Основ¹⁰⁰. Однако, поскольку участники процесса обычно активно участвуют в доказывании и объективно содействуют установлению истины, все обстоятельства, приводимые ими в защиту своих интересов, подлежат тщательному исследованию, а заявленные ходатайства, предотвращающие односто-

⁹⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 8, с. 9—10; 1979, № 10, с. 13; 1980, № 10, с. 6—7; 1981, № 4, с. 5.

⁹⁷ Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. — М., 1973, с. 147; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1977, № 12, с. 8—9; 1980, № 11, с. 7.

⁹⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 3, с. 25—26; 1982, № 5, с. 23—26; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 10, с. 13—14; 1982, № 10, с. 6—7.

⁹⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 9, с. 12; 1981, № 8, с. 5.

¹⁰⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963, № 3, с. 4; 1978, № 4, с. 9.

ронность и неполноту дознания, предварительного или судебного следствия, — удовлетворению (ст.ст. 204, 276 УПК).

Направляя доказывание в сторону обнаружения истины, принцип всесторонности, полноты и объективности соединяет свободу внутреннего убеждения органов государства с условием, которое препятствует превращению этого убеждения в нечто иррациональное, безотчетное. Основой формирования внутреннего убеждения при проверке и оценке доказательств выступает всестороннее, полное и объективное рассмотрение всех обстоятельств в их совокупности (ст. 17 Основ, ч. 3 ст. 70 УПК)¹⁰¹.

Тот же принцип не допускает градации доказательств по степени их процессуальной силы. Для органов государства, ведущих уголовный процесс, все доказательства имеют одинаковое значение по связи с делом и их допустимости (ч. 2 ст. 17 Основ)¹⁰². Большая или меньшая степень их убедительности, сила и удельный вес раскрываются лишь после тщательного исследования всех обстоятельств дела и оценки всех доказательств.

Никаких изъятий из этого правила не знают и показания обвиняемого. Выражены ли показания обвиняемого в форме признания либо отрицания своей вины или оговора, они являются рядовым, ординарным доказательством и в соответствии с принципом всесторонности, полноты и объективности подлежат тщательной проверке в общем комплексе доказательственного материала. Законодательство и судебно-следственная практика исходят из того, что одно признание обвиняемым своей вины, не подтвержденное объективными данными, не может составить основу обвинения (ч. 2 ст. 77 УПК)¹⁰³; отрицание обвиняемым своей вины может быть отвергнуто при условии полного опровержения его доводов¹⁰⁴; при изменении обвиняемым своих показаний, данных на предварительном следствии или дознании, суд «обязан тщательно проверить

¹⁰¹ Не может быть признано правильным мнение, что мыслительная деятельность, протекающая по законам познания, не подлежит правовой регламентации, вследствие чего находится вне границ процесса доказывания, не является его составной частью (Журылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. — Минск, 1969, с. 24—37; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. — М., 1969, с. 23). Правовые суждения, конечно, не властвуют над законами мышления, не подменяют их, но заставляют мыслить сообразно этим законам. Правовые нормы определяют предмет познания (ст. 15 Основ), доказательства, с помощью которых устанавливаются его элементы, круг следственных действий, направленных на собирание и проверку доказательств (ст. 70 УПК), фактические основания, лежащие в основе процессуальных решений, требования, связанные с мотивировкой и обоснованием этих решений, и т. д. и т. п., и тем самым оказывают регулирующее воздействие на доказательственную деятельность в целом. Без оценки доказательств, сопровождающей весь ход доказывания, само доказывание потеряло бы всякий гносеологический и практический смысл.

¹⁰² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 6, с. 6—9.

¹⁰³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963, № 3, с. 8; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1980, № 5, с. 8, и др.

¹⁰⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1982, № 2, с. 5—7; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 7, с. 7—8, и др.

те и другие показания, выяснить причины изменения показаний и в результате их тщательного исследования в совокупности с другими доказательствами, собранными по делу, дать им надлежащую оценку¹⁰⁵; все сомнения в виновности обвиняемого, которые не представляется возможным устранить, толкуются в его пользу¹⁰⁶; если самооговор обвиняемого детально не исследовался и был положен в основу обвинения, то при последующей реабилитации обвиняемого невиновный не утрачивает права на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями должностных лиц¹⁰⁷. При этом показания обвиняемого, как и показания других допрашиваемых лиц, не могут быть получены под воздействием каких бы то ни было принудительных мер (ч. 3 ст. 14 Основ). Сведения, добытые с применением насилия, угроз и иных незаконных мер, не имеют доказательственной силы.

В соответствии с принципом всесторонности, полноты и объективности каждое процессуальное решение должно опираться на достаточную совокупность фактических оснований; в нем следует изложить обстоятельства и доказательства в том объеме и в том виде, в каком того требует целевое назначение данного акта; решение необходимо обосновать и мотивировать, а сделанные в нем выводы удостоверить таким образом, чтобы они не вызвали сомнений в правильности (ст.ст. 89, 144, 205, 221, 301, 309, 314 и др. УПК)¹⁰⁸. С этими требованиями согласуется обязанность органов государства полно и точно фиксировать в соответствующих протоколах содержание и порядок производимых ими следственных и судебных действий (ст.ст. 102, 151, 160, 264 и др. УПК). Такая фиксация позволяет проверить, были ли соблюдены требования всесторонности, полноты и объективности на различных этапах производства по делу.

Веления рассматриваемого принципа адресованы государственным органам, но в определенной мере они распространяются и на иных участвующих в деле лиц. Рассмотрение судом дела с обязательным участием подсудимого и потерпевшего (кроме случаев, указанных в ст.ст. 246 и 253 УПК), обязанность свидетеля и потерпевшего давать правдивые показания о всех известных им обстоятельствах дела (ст.ст. 73, 74, 75 УПК), а эксперта — представлять объективное заключение по поставленным перед ним вопросам (ст. 82 УПК), обязанность участников процесса, заявивших

¹⁰⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1969, № 4, с. 11; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1982, № 4, с. 12; № 6, с. 5; № 9, с. 9.

¹⁰⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1969, № 4, с. 10; 1979, № 6, с. 13—14; 1970, № 1, с. 35—38; 1980, № 4, с. 5—7; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1962, № 12, с. 9—10; 1981, № 10, с. 5—6.

¹⁰⁷ Савицкий В. М. Новый закон о возмещении ущерба невиновным. — Суд и применение закона. М., 1982, с. 14—15.

¹⁰⁸ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве, с. 93, 96; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания, с. 13; Захой Л. А. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела — основополагающее начало советского уголовного процесса. — Сборник научных трудов ВЮЗИ. М.: ВЮЗИ, 1981, с. 62.

ходатайства, указать, для выяснения каких обстоятельств необходимы дополнительные доказательства (ч. 1 ст. 276 УПК), отсутствие у них права отказаться от представленных доказательств и изъять их из дела и т. д. и т. п. — все это зиждется на требованиях всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела.

6. При доказывании и формировании выводов по делу принцип всесторонности, полноты и объективности ставит органы государства в независимое друг от друга положение.

Он создает условия, позволяющие следователю самостоятельно принимать решения по всем коренным вопросам следствия, и определяет пределы его ответственности за направление и ход предварительного расследования (ст.ст. 17, 30 Основ).

Право прокурора при неисследованности дела направить его следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования не лишает следователя процессуальной самостоятельности и не ущемляет свободы его внутреннего убеждения (п. 7 ст. 28, п. 8 ст. 29 Закона о Прокуратуре СССР, ст. 211 УПК). Наоборот, надзор этот наряду со строгой регламентацией всей деятельности следователя обеспечивает законность в расследовании и гарантирует неукоснительное соблюдение следователем ст. 14 Основ¹⁰⁹. При несогласии с теми указаниями прокурора, которые затрагивают свободу внутреннего убеждения в области оценки доказательств, следователь может не выполнять их и представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений (ч. 2 ст. 30 Основ).

В соответствии с предписаниями ст. 2 Основ принцип всесторонности, полноты и объективности ориентирует следователя на быстрое раскрытие каждого преступления, если это не препятствует выяснению всех обстоятельств дела и осуществлению требования обнаружения истины¹¹⁰. Там же, где объективные причины не позволяют окончить расследование в установленный срок, закон предусматривает возможность его продления (ч. 2 ст. 133 УПК).

Совместно с другими началами судопроизводства данный принцип обеспечивает руководящее положение суда во всех судебных стадиях процесса, а в судебном разбирательстве требует от него принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и уста-

¹⁰⁹ Приказ Генерального прокурора СССР от 11 мая 1960 г. № 38 «О процессуальной самостоятельности следователя и его ответственности за производство предварительного следствия». — Советская прокуратура. Сборник документов. М., 1981, с. 166.

¹¹⁰ В приказе Генерального прокурора СССР от 25 августа 1967 г. № 78 «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел» указано на необходимость полностью искоренить факты направления в суды дел при отсутствии достаточных оснований для их рассмотрения в судебном заседании и предложено прокурорам тщательно проверять по каждому делу полноту, всесторонность и объективность произведенного предварительного следствия (там же, с. 196).

новления истины, устраняя из судебного следствия все то, что не касается рассматриваемого дела (ч. 2 ст. 243 УПК). Согласно требованиям этого принципа суд самостоятельно исследует обстоятельства дела, не будучи связанным ни объемом представленного доказательственного материала (ст.ст. 70, 276 УПК), ни оценкой доказательств, данной в стадии расследования, ни выводами, изложенными в обвинительном заключении. Ему принадлежит право изменить первоначальное обвинение (чч. 2, 3 ст. 254 УПК), возбудить уголовное дело по новому обвинению в отношении подсудимого или новых лиц (ст.ст. 255, 256 УПК), прекратить дело производством (ст. 259 УПК), направить дело на дополнительное расследование (ст. 258 УПК). Суд не связан ни по одному вопросу мнениями участников судебного разбирательства и принимает все решения по своему внутреннему убеждению, сложившемуся на основе данных судебного следствия (ст.ст. 248, 298, 301 и др. УПК). При необходимости он может по собственной инициативе затребовать дополнительные доказательства, нужные для установления истины, в том числе и те, которые были отвергнуты следственными органами. Суд независим в выборе средств и способов проверки имеющихся и вновь полученных доказательств. С учетом предложений участников судебного разбирательства, но независимо от них, он сам устанавливает такой порядок исследования доказательств на судебном следствии, который способствует раскрытию истины (ст. 279 УПК). В то же время суд должен проявлять равное отношение к ходатайствам участников судебного разбирательства и удовлетворять каждое обоснованное ходатайство, от кого бы оно ни исходило¹¹¹.

Поскольку данные судебного следствия служат единственной основой и для вынесения приговора (ч. 2 ст. 43 Основ), и для судебных прений (ч. 4. ст. 295 УПК), постольку участвующий в судебном заседании прокурор сам исходит в своих выводах по делу из этих данных и одновременно обеспечивает выполнение тех же требований закона судом (ст. 31 Закона о Прокуратуре СССР).

По окончании судебного следствия прокурор должен поставить перед собой вопрос, все ли сделано в процессе исследования доказательств для успешного выполнения стоящей перед ним задачи, может ли он, опираясь на данные судебного следствия, поддерживать обвинение и в каких пределах. В зависимости от ответа на данный вопрос прокурор решает, нужно ли еще что-либо предпринять для выполнения этой задачи. Если государственный обвинитель в порядке ст. 294 УПК не заявляет ходатайств о дополнении судебного следствия, значит оно проведено полно, всесторонне и объективно и позволяет сделать категорический вывод о виновности или невиновности подсудимого. В первом случае объектив-

¹¹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 1, с. 13; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 4, с. 5.

ность обуславливает его обязанность поставить обвинение «разумно, правильно, в меру»¹¹², во втором случае — отказаться от него с приведением суду мотивов отказа (ч. 3 ст. 40 Основ).

7. В проверочных стадиях процесса применение принципа всесторонности, полноты и объективности имеет свои особенности.

При предании обвиняемого суду принцип нацеливает судью или суд в распорядительном заседании на установление наличия или отсутствия фактических оснований для рассмотрения дела в судебном разбирательстве, с тем чтобы не допустить необоснованного предания суду обвиняемого и предотвратить возможную односторонность и неполноту судебного следствия. Только тогда, когда орган предания суду, не предпринимая вопроса о виновности, убедится, что при производстве предварительного расследования выяснены все обстоятельства совершенного преступления, к уголовной ответственности привлечены все лица, его совершившие, всем им предъявлено обвинение в полном объеме и по делу собраны доказательства, достаточные для его рассмотрения в судебном заседании, он может предать обвиняемого суду (ч. 1 ст. 221, п. 4 ст. 222, пп. 1, 3, 4 ст. 232 и др. УПК). В иных случаях вопрос о предании обвиняемого суду или о направлении дела для производства дополнительного расследования решается в зависимости от того, могут ли быть восполнены пробелы расследования в судебном заседании (ч. 1 ст. 232 УПК).

В кассационной инстанции рассматриваемый принцип находит свое выражение раньше всего в обязанности суда проверить всесторонность, полноту и объективность предварительного и судебного следствия, полноту и объективность отражения обстоятельств дела в вынесенном приговоре. Суд второй инстанции должен тщательно проанализировать все доводы жалоб (возражений) и протеста, сопоставить их с имеющимися в его распоряжении материалами, изучить дело в полном объеме, в том числе в отношении тех осужденных, которые жалоб не подали и в отношении которых не принесен протест либо жалоба потерпевшего, проверить, все ли обстоятельства, свидетельствующие о виновности или невиновности осужденного, исследованы в предшествующих стадиях процесса, собраны ли все относимые к делу доказательства, закреплены ли эти доказательства в предусмотренной законом процессуальной форме, правильно ли они оценены, и с учетом объяснений участников процесса и заключения прокурора на основе собственной всесторонней, полной и объективной оценки доказательств вынести определение, содержащее исчерпывающий ответ на каждый довод жалобы (возражения) и протеста и отражающее ход и результаты ревизионной проверки дела, основания и мотивы принятого решения (ст.ст. 332, 351 УПК)¹¹³.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 88.

¹¹³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 1, с. 6—11; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 8, с. 4—5.

Проверка эта осуществляется методом изучения письменных материалов вне условий судебного следствия и не может и не должна влечь за собой установления фактов, не установленных приговором или отвергнутых им. Если же в ходе проверки выясняется односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия и по этим мотивам приговор отменяется, кассационная инстанция не вправе предрешать вопросы о ценности того либо иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, о доказанности или недоказанности обвинения, но вправе предрешать выводы об относимости и допустимости доказательств как необходимых условиях их доброкачественности и давать указания относительно выяснения конкретных обстоятельств, а при необходимости и назвать те процессуальные действия, которые нужно провести для восполнения пробелов исследования. Обязательность таких указаний не ограничивает объема и пределов доказательственной деятельности следователя и нижестоящего суда. После отмены приговора каждый из них, исходя из требований ст.ст. 20 и 353 УПК, заново исследует все обстоятельства, имеющие значение для дела, и выполняет все необходимые для этого процессуальные действия, а не только те, которые предложено совершить. Суд ограничен в своих действиях и выводах лишь запретом «преобразования к худшему».

В стадии надзорного производства специфика осуществления данного принципа состоит в том, что, помимо проверки всесторонности, полноты и объективности дознания, предварительного или судебного следствия, суд выясняет, были ли соблюдены эти требования при рассмотрении дела судом второй инстанции, а если оно рассматривалось и нижестоящей надзорной инстанцией (инстанциями), то и ею.

Таким образом, несмотря на различие в назначении проверочных судебных стадий, полномочий суда, условий процессуальной деятельности в них, общим для всех стадий является то, что компетентный судебный орган проверяет соблюдение требований принципа всесторонности, полноты и объективности в предшествующих стадиях и сам руководствуется этими требованиями.

§ 3. Состязательность процесса

Принцип состязательности характеризует такое построение судебного разбирательства, при котором функции обвинения и защиты, поддержания гражданского иска и возражения против него отделены от судебной деятельности, выполняются субъектами, пользующимися равными правами для отстаивания своих интересов, а суд занимает положение главного субъекта, осуществляющего руководство судебным заседанием, активно исследующего все обстоятель-

ства дела и разрешающего само это дело (ст.ст. 38, 7, 10, 13, 23, 40 и др. Основ).

Состязательность, как видно, не сводится к этимологическому значению обозначающего ее слова¹¹⁴, а включает в себя наряду с (1) правом субъектов отстаивать свои интересы путем состязания друг с другом, (2) отделением функций обвинения и защиты, поддержания гражданского иска и ответа на него от функции правосудия и их размежевание между собой, (3) равенство прав носителей этих функций, а также (4) активное и руководящее положение суда в процессе. В таком единстве причинно связанных компонентов состязательность выступает в качестве важного метода поиска истины, которая лучше всего и полнее всего «устанавливается благодаря полемике»¹¹⁵ равноправных перед судом лиц.

1. Основной вопрос построения судебного разбирательства есть вопрос об организации функций обвинения, защиты и осуществления правосудия.

От того, распределены ли указанные функции и выделены ли они в качестве самостоятельных или амальгамированы, соединены в одних руках, зависит, основано судебное разбирательство на принципе состязательности или нет. Если судья, обвинитель и защитник соединены в одном лице, то такое соединение, по словам К. Маркса, противоречит всем законам психологии¹¹⁶, устраняет состязательность, лишает суд возможности объективно рассмотреть дело и правильно разрешить его. Там же, где функции обвинения, защиты и правосудия размежеваны, судебная деятельность ограждается от субъективизма, предвзятости, односторонности и обретает свое собственное лицо. Здравый смысл подсказывает: тот, кто обвиняет, не может быть судьей в том же деле. Суд должен судить, обвинитель обвинять, защитник защищать.

Выделение обвинения и защиты в качестве самостоятельных функций, их отделение от судебной деятельности — краеугольный камень состязательного процесса. Стоит убрать этот камень, как рухнет та основа, на которой стоит и действует начало состязательности.

А. В советском уголовном процессе состязательность имеет под собой именно такую основу. Положения закона о том, что прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение (ст. 40 Основ, ст. 32 Закона о Прокуратуре СССР), защитник выясняет обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность (ст. 23 Основ), а суд осуществляет правосудие (ст. 7 Основ), что судебное разбирательство про-

¹¹⁴ Слова, выражающие понятия, употребляются не с точки зрения их этимологической родословной, а с точки зрения того значения, какое они получили в процессе своего исторического развития (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 293).

¹¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 241.

¹¹⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 26.

изводится в отношении обвиняемого по тому обвинению, по которому он предан суду (ст. 254 УПК), что прокурор на всех частях судебного разбирательства является обвинителем (п. 2 ст. 49, ч. 2 ст. 63, п. 1 ст. 228, ст.ст. 245, 263, 265, 272, 276, 279, 280, 283, 288, 291—298 и др. УПК), что участие прокурора в качестве обвинителя обуславливает обязательное участие защитника в судебном заседании (ст. 49 УПК), что государственный обвинитель и защитник обмениваются в судебных прениях мнениями по итогам судебного следствия (ст. 295 УПК), что они вправе в письменном виде предложить суду свою формулировку решения по делу (ст. 298 УПК), что под угрозой безусловной отмены приговора судья подлежит отстранению от участия в деле, если он выступал в том же деле в качестве обвинителя или защитника, а прокурор—если он выступал в нем в качестве защитника или судьи (ст.ст. 59, 60 УПК), имеют одно объяснение: закон четко разграничивает функции обвинения, защиты и правосудия и полностью исключает возможность их слияния.

Б. В отличие от защиты обвинение не сразу становится обособленной функцией.

На предварительном следствии, где следователь расследует дело, формулирует и предъявляет обвиняемому обвинение и сам же принимает решения по всем коренным вопросам следствия, осуществляемая обвиняемым и его защитником функция защиты не вносит в расследование элементов состязательности. О состязательности, хотя и в усеченном виде, можно говорить лишь при условии отделения обвинения от разрешения дела.

Такое отделение обвинения от расследования наступает, когда прокурор утверждает обвинительное заключение и передает дело на разрешение суда. С этого момента прокурор, выразивший в обвинительном заключении свою позицию по делу и заявивший готовность обосновывать правильность предъявленного обвинения перед судом, становится государственным обвинителем и уже в этом качестве одновременно осуществляет надзор за законностью при рассмотрении судом уголовного дела (см. п. 4 настоящего параграфа).

В. Для признания той или иной судебной стадии состязательной важно, как организовано не только обвинение, но и защита. Состязательность не сводится к состязанию, но состязание — ее первый, изначальный элемент, а его-то в стадии предания суду нет. Даже в тех случаях, когда в распорядительное заседание приглашаются обвиняемый и его защитник в связи с возбужденными ими ходатайствами по тем или иным вопросам, эти ходатайства выслушиваются судом после того, как прокурор выскажет свое мнение по делу, в их отсутствие, и ни обвиняемый, ни защитник при поддержании ходатайств не могут возразить ему. Не могут они оспорить и заключение прокурора, даваемое по выслушивании заявленных ходатайств (ст. 225 УПК).

Обвиняемый и защитник независимо от участия в распорядительном заседании действительно имеют возможность «довести до сведения суда свое мнение по существу обвинения и меры пресечения, о необходимости истребования дополнительных доказательств, направления дела на доследование и т. д.»¹¹⁷, но в этом находит свое выражение принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, а не начало состязательности. Состязательность могла бы найти ограниченное применение в распорядительном заседании, если бы защите была предоставлена возможность хотя бы оспаривать заключение прокурора по заявленным ходатайствам, которой она сейчас не имеет.

Стало быть, сам факт отделения функций обвинения и защиты от судебной деятельности еще не определяет условий и способов их выполнения.

2. По самому своему существу принцип состязательности подразумевает равные возможности и условия для осуществления функций обвинения, защиты, поддержания гражданского иска и ответа на него. Признание права на состязание — это и признание права за состязующимися использовать равные средства для отстаивания перед судом своих утверждений и требований и для оспаривания утверждений и требований других. Процессуальное равноправие означает, что все, что вправе делать обвинитель для доказывания обвинения, вправе делать защита для его опровержения; все, что вправе делать гражданский истец для поддержания иска, вправе делать гражданский ответчик для его оспаривания.

Такое построение судебного разбирательства создает прочные гарантии раскрытия истины, охраны прав и законных интересов личности, утверждает высокий авторитет суда и общее доверие к справедливости правосудия.

А. Процессуальное равноправие в указанном его значении получило в советском социалистическом праве ясное и конкретное закрепление. Обвинитель (прокурор, общественный обвинитель), подсудимый, его защитник (общественный защитник), потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители наделяются в судебном разбирательстве равными правами по представлению доказательств, исследованию доказательств и заявлению ходатайств (ст. 38 Основ).

Считать ли их сторонами в деле или, следуя терминологии закона, именовать участниками судебного разбирательства, суть состязательности от этого не изменится. Речь идет о субъектах процесса, которые преследуют в деле противоположный по своей направленности интерес, выполняют согласно с ним противоположные по своему характеру процессуальные функции и для успешного осуществления их пользуются

¹¹⁷ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора, с. 55—57.

одинаковыми правами. Состязательность требует, чтобы субъекты обвинения и защиты, гражданский истец и гражданский ответчик имели равное право и равную возможность доказывать правильность отстаиваемых ими выводов, убеждать суд в своей правоте. Это требование позитивным правом воспринято.

Каждый из участников судебного разбирательства на совершенно равных основаниях вправе высказывать свое мнение о возможности рассмотрения дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц (ст. 227 УПК), заявлять ходатайства, делать заявления и внести предложения об отводах (ст. 276 УПК), об истребовании новых доказательств (ст. 276 УПК), о порядке исследования доказательств на судебном следствии (ст. 279 УПК), о дополнении и возобновлении судебного следствия (ст.ст. 294, 295 УПК), участвовать в допросах свидетелей и экспертов (ст.ст. 283, 289 УПК), осмотре вещественных доказательств, местности или помещения (ст.ст. 291, 293 УПК), исследовании документов (ст. 292 УПК), излагать свою позицию по всем касающимся его вопросам в судебных прениях (ст. 295 УПК), представлять суду в письменном виде свой вариант решения основных вопросов, подлежащих обсуждению при постановлении судом приговора (ст. 298 УПК), и т. д.

Общее правило о постановлении приговора лишь на данных, рассмотренных в судебном заседании, также отражает его состязательную конструкцию. Доказательства могут быть правильно оценены и признаны доброкачественными, если они прошли через фильтр состязательности. Если участникам судебного разбирательства не была предоставлена возможность принять участие в исследовании доказательств или если такое исследование произведено в отсутствие тех из них, присутствие которых на суде по закону обязательно, приговор подлежит отмене (ст.ст. 49, 53—55, 246, 253, 345 УПК).

Эти, как и некоторые другие, права, которыми располагают участники судебного разбирательства, позволяют говорить о них как о действительно равноправных субъектах процессуального состязания.

Что касается обвиняемого, то реальность осуществления им своих прав обеспечена рядом особых гарантий.

Важнейшей из них является участие на его стороне защитника, без чего сама идея равноправия обвинения и защиты во многом носила бы формальный характер. Законодатель не только предоставляет обвиняемому широкую возможность добровольного выбора защитника по любому делу (чтобы обеспечить доверительность между обвиняемым и защитником и компетентность защиты), но одновременно устанавливает широкий круг случаев обязательного участия защитника в суде, в том числе по делам, по которым обвинение поддерживает прокурор или общественный обвинитель, и, что особенно важно, определяет само существо деятельности защитника. Участвует ли адвокат-защитник в деле

по выбору или по назначению, он не вправе отказаться от принятой на себя защиты и обязан использовать все легальные средства и способы для того, чтобы извлечь из материалов дела все, что говорит в пользу подзащитного, не оставив без внимания ничего, что может в какой-то мере облегчить участь обвиняемого. На защитника в отличие от прокурора не распространяются требования принципа, записанного в ст. 14 Основ. В задачу защитника входит выявление не всех обстоятельств дела, а только тех, которые опровергают обвинение или смягчают ответственность обвиняемого.

Существенную роль в обеспечении процессуального равноправия обвинения и защиты играет презумпция невиновности, освобождающая обвиняемого от обязанности доказывания своей невиновности и требующая истолковывать все неустранимые сомнения в его пользу. Она ставит субъектов обвинения и защиты в такие условия, когда обвинитель может парализовать доводы защиты лишь такими доказательствами и аргументами, которые не оставят у суда ни малейших сомнений в виновности обвиняемого.

К сказанному надо добавить, что судебное разбирательство протекает с обязательным участием обвиняемого, при соблюдении судом срока вручения ему копии обвинительного заключения и в пределах того обвинения, по которому он предан суду. Это позволяет обвиняемому своевременно подготовиться к защите против того именно обвинения, которое составит предмет состязания в судебном заседании и через границы которого не вправе переступить прокурор.)

Процессуальное равноправие, провозглашенное ст. 38 Основ, есть равноправие в области доказывания и заявления ходатайств. На самом деле оно гораздо шире. Как обвинение, так и защита вправе излагать свои выводы и соображения по поводу всех вопросов, разрешаемых приговором, в том числе относительно квалификации преступления и применения наказания (ст.ст. 248, 249, 250, 298 УПК). Это означает, что принцип состязательности охватывает как фактическую, так и юридическую сторону дела.)

Б. Процессуальное равноправие не уравнивает прокурора с другими участниками судебного разбирательства и не свидетельствует об однородности выполняемых ими задач и обязанностей. Ни фактически, ни юридически прокурор не стоит в одном ряду ни с одним из них и, конечно же, с подсудимым, которого он обвиняет, изобличает в совершении преступления; прокурор участвует в его допросе, а суд может применить к подсудимому принудительные меры воздействия — избрать меру пресечения, освидетельствовать, предъявить для опознания, удалить из зала судебного заседания за нарушение порядка и т. д. Прокурор на суде — представитель власти, уполномочившей его в суде защищать и выражать государственный интерес — поддерживать обвинение и осуществлять надзор за законностью при рассмотрении дела от

имени государства. Это радикально отличает прокурора от остальных участников судебного разбирательства, говорит о его особой роли и назначении в суде, но не создает для него никаких преимуществ при отстаивании своих соображений и выводов по делу. Любые привилегии для обвинителя в этой части расшатали бы устой процессуального равноправия, ограничили бы право обвиняемого на защиту и неизбежно посеяли бы односторонность в исследовании обстоятельств дела.

Процессуальное равноправие не низводит прокурора до уровня подсудимого, как, впрочем, и защитника до уровня подзащитного. Процессуальное равноправие не выражает ничего другого, кроме равного права обвинения и защиты отстаивать свой или представляемый интерес перед судом, и в этом своем содержании рассматривается практикой в качестве одного из необходимых условий правильного отправления правосудия¹¹⁸.

В. Состязательность наиболее полно проявляется, когда в суде участвуют государственный обвинитель и защитник. Но и тогда, когда в деле не участвует прокурор, равенство прав участников судебного разбирательства не нарушается. Обвинительный тезис прокурора, сформулированный в обвинительном заключении, обоснован доказательствами, и защитник вместе с подсудимым имеют полную возможность оспаривать обвинение, приводить доводы в свою пользу, а суд проверяет правильность представленного обвинения, оценивает доводы обвинения и защиты и разрешает дело на общих основаниях. Прокурор же, утвердивший обвинительное заключение, продолжает оставаться государственным обвинителем — его точка зрения официально выражена в обвинительном заключении, поэтому он в отличие от своего помощника вправе опротестовать приговор, вынесенный без его участия.

Судебное разбирательство остается состязательным и при отсутствии защитника. В этом случае подсудимый в качестве участника судебного разбирательства самостоятельно защищается от обвинения, а в судебных прениях заменяет собою защитника.

Лишь в исключительных случаях, когда дело слушается без подсудимого и его защитника (ст. 246 УПК), функция защиты отсутствует, а с нею отсутствует и принцип состязательности¹¹⁹.

¹¹⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1962, № 2, с. 12; 1967, № 2, с. 23; 1971, № 4, с. 7; 1977, № 1, с. 13; 1978, № 2, с. 12; Бюллетень Верховного Суда РСФСР; 1967, № 4, с. 5.

¹¹⁹ По мнению В. М. Савицкого, подсудимый и в этих случаях остается участником судебного разбирательства, осуществляющим функцию защиты, содержание которой определяют имеющиеся в деле показания обвиняемого и другие оправдывающие его доказательства (Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора, с. 55). Однако оправдательные доказательства исследуются судом на общих основаниях и никакой позиции подсудимого не выражают, а письменные показания обвиняемого не могут заменить собой устных доводов и соображений подсудимого, которые он излагает на суде по поводу обстоятельств и доказательств, указанных в обвинительном заключении. При расследовании дела обвиняемый не знакомился с обвинительным заключением и не выска-

Это единственное отступление от общего правила, когда функция обвинения есть, а функции защиты нет.

3. Советский принцип состязательности органически сочетает активность полноправных участников судебного разбирательства с активной, руководящей и направляющей ролью суда в процессе. Он выражает собой то непреложное требование, что для «установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять факты и документы, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания»¹²⁰.

Суд ищет истину при помощи состязующихся, а не в пределах их требований и возражений. Если пассивное отношение участников судебного разбирательства к доказыванию своих требований и возражений значительно затрудняет раскрытие истины, то пассивное отношение суда к исследованию обстоятельств дела делает ее в ряде случаев недостижимой.

А. Руководящая роль суда состоит в том, что суд активно руководит состязанием, принимая все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и установления истины. Он не ограничен исследованием материалов, представленных участниками судебного разбирательства, и может привлечь к исследованию дополнительные доказательства, необходимые для правильного разрешения дела. Суд не связан мнением участников ни по одному вопросу и в своих выводах независим от них. Все они участвуют в доказывании не иначе как с разрешения и под контролем суда (ст.ст. 3, 16, 20, 70, 243 УПК).

Законодатель наделяет участников судебного разбирательства равными правами для отстаивания своих или представляемых интересов, но он не возлагает и не может возлагать на них обязанность доказать свою правоту, истинность своих доводов и соображений под страхом юридической ответственности¹²¹. Всю полноту ответственности за правильное разрешение дела, постановление законного и обоснованного приговора несет суд.

Активность суда служит целям обнаружения истины и охраны прав состязующихся тогда, когда она восполняет состязание, а не подрывает его¹²². При высокой активности участников судебного разбирательства в доказывании, умелом и добросовестном использовании ими своих прав суду незачем гасить их инициативу и без нужды подменять ее собственной активностью. Прав В. М. Савицкий, утверждая что активность суда в сборе и исследовании доказательств необходима там, где имеются явные упущения

зывает своего мнения относительно содержания доказательств, приведенных в нем в обоснование правильности выводов следователя.

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 67.

¹²¹ Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса, с. 69—70.

¹²² Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса, с. 103.

со стороны участников судебного разбирательства, где обнаруживается неспособность участника привлечь фактические данные для обоснования своей позиции, где участник бессилён отыскать доказательства, опровергающие доводы своего процессуального противника, и т. п.¹²³. Для того суд и разъясняет участникам судебного разбирательства принадлежащие им права и обязанности и содействует их осуществлению, чтобы они со знанием процессуальных средств могли активно отстаивать свои интересы.

Б. Активность суда должна осуществляться с полным беспристрастием и объективностью, без малейших проявлений преимущественного благоприятствования к тому или иному участнику судебного разбирательства. До постановления приговора суд не вправе проявлять своего отношения к обоснованности обвинения, как не вправе порицать поведение того участника судебного разбирательства, позиция которого не совпадает с выводами приговора. Судебная практика остро реагирует на случаи, когда судьи в ходе судебного заседания высказывают свое мнение по существу дела или исследуемых доказательств до разрешения этих вопросов в совещательной комнате либо когда они осуждают поведение участников судебного разбирательства за то, что последние, по мнению судей, отстаивали ошибочную точку зрения по делу¹²⁴.

В таком виде активное и руководящее положение суда в процессе влетает в общую ткань той конструкции принципа состязательности, которая принята нашей теорией и законодательством¹²⁵.

ИЛ 4. Состязательность не принадлежит к числу общепризнанных принципов советского уголовного судопроизводства.

А. Одно время состязательность отвергалась по мотивам ее буржуазного происхождения. При этом отмечалось, что рассматриваемый принцип исходит из предоставления сторонам формального равенства в качестве средства осуществления правосудия и потому неприемлем для советского уголовного процесса.

Подобные взгляды шли вразрез с положениями марксизма-ленинизма о возможности, а при определенных условиях и необходимости использования новым государством старых и даже отживших прогрессивных форм и о недопустимости принимать новое содержание за подобие этих форм¹²⁶ и, естественно, не получили широкого распространения¹²⁷.

¹²³ Конституционные основы правосудия в СССР. — М., 1981, с. 305.

¹²⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 2, с. 10; 1969, № 6, с. 29; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 2, с. 16—17.

¹²⁵ Вопрос об особенностях осуществления принципа состязательности в стадии кассационного производства заслуживает отдельного обсуждения и в настоящем пособии не рассматривается.

¹²⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф.: Соч., т. 17, с. 344; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 55, 58, 59; т. 41, с. 304.

¹²⁷ С обстоятельной критикой этих взглядов выступили: М. С. Строгович (Строгович М. С. О состязательности и процессуальных функциях в советском уголовном процессе. — Правоведение, 1962, № 2, с. 106—114); Н. Н. По-

В. И. Ленин указывал, что Советская власть не отбрасывает лозунги буржуазно-демократические, а последовательнее, полнее, решительнее проводит демократическое в них¹²⁸ и рекомендовал непременно воплотить в советский гражданский кодекс «все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран в защиту трудящихся»¹²⁹. Среди прогрессивных начал судопроизводства он выделял и состязательность: «Гласное и состязательное разбирательство на судах вопроса о высоте аренды приносило бы громадную пользу даже независимо от решения судов»¹³⁰. О советском же принципе состязательности видные деятели юстиции писали как о культурном завоевании рабочей власти, как о начале, выражающем интересы суда и республики в целом¹³¹.

Теперь никто уже не использует в качестве аргумента против состязательности ее буржуазную генеалогию. Советская состязательность столь же «буржуазна», как и многие другие принципы нашего процесса. Возражения против состязательности идут по линии процессуальной, главным образом по линии характеристики функций прокурора.

В. Утверждается, например, что в уголовном процессе нет функций обвинения и защиты, что в судебном разбирательстве осуществляются не эти, а другие функции, а именно функция прокурорского надзора, функция защиты личных процессуальных интересов, выполняемая обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом и гражданским ответчиком, и функция оказания обвиняемому необходимой юридической помощи, которую выполняет защитник¹³².

Это в корне ошибочное мнение. Оно противоречит приведенным выше указаниям закона о функциях и их субъектах и игнорирует тот очевидный факт, что защита производна от обвинения, возник-

лянский (Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. — М., 1960, с. 82—87); А. Л. Ривлин (Ривлин А. Л. Понятие и система принципов советского правосудия. — Ученые записки. Вып. 16, с. 37—38); Р. Д. Рахунов (Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. — М., 1961, с. 164—165); П. С. Элькин (Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. — Ленинград, 1963, с. 56, 67, 77—78), и др.

¹²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 441.

¹²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 412.

¹³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 341.

¹³¹ Стучка П. И. Избранные произведения марксистско-ленинской теории права. — Рига, 1964, с. 436; Революция права, 1928, № 1, с. 103—104; Землянский П. Т. Уголовно-процессуальное законодательство в первые годы Советской власти. — Киев, 1972, с. 128. Нелишне заметить, что идея состязательности пронизывала первые же законодательные и нормативные акты о советском суде. Так, в Положении о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. указывалось: «Подсудимый пользуется при рассмотрении дела правами стороны» (ст. 21). В Инструкции НКЮ от 23 ноября 1919 г. говорилось что обвинители выступают в суде в первую очередь по делам, когда «важность и сложность дела, а равно спорность собранных в отношении обвиняемого улик требует всестороннего освещения всех обстоятельств на началах состязательства».

¹³² Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве. — Правоведение, 1974, № 1, с. 70—73.

кает в качестве ответной реакции на обвинение и всегда существует там, где существует обвинение. Если бы обвиняемого никто ни в чем не обвинял, закон не устанавливал бы категорического правила: при участии в суде прокурора обязательно участие защитника. Но обвиняемый потому и является обвиняемым, что его обвиняют в совершении преступления, и делает это прокурор, который сформулировал обвинение и в состоянии его реализовать не иначе как путем осуществления функции обвинения. Обвинительная деятельность не может быть оторвана от своего предмета — обвинительного тезиса, точно так же как обвинительный тезис не может быть оторван от обвинительной деятельности, которая в нем воплощена¹³³.

Не выдерживает критики и мнение, будто в судебном разбирательстве осуществляется функция защиты личных процессуальных интересов. Представление об обвиняемом и потерпевшем, гражданском истце и гражданском ответчике как о носителях этой общей функции нивелирует существующие между ними различия, вуалирует противоположный характер отстаиваемых ими перед судом интересов и лишает смысла саму идею, которой руководствовался законодатель, наделяя их равными процессуальными правами.

Обвинение и защита — корреспондирующие функции; и как бы ни варьировалось правовое положение защитника, нельзя никуда уйти от того, что защитник защищает обвиняемого от обвинения и его последствий и на этой основе оказывает обвиняемому необходимую юридическую помощь в реализации принадлежащих ему прав. По этой причине обязанность защитника оказывать обвиняемому юридическую помощь законом поставлена не впереди обязанности выявлять обстоятельства, говорящие в пользу обвиняемого, а вслед за ней (ст. 23 Основ).

В. Защита противостоит обвинению, а не чему-либо иному. Поэтому с точки зрения принципа состязательности чрезвычайно важно установить, в каком объеме, формах и процессуальном положении выполняется прокурором обвинительная деятельность, как соотносится она с его общей функцией в уголовном процессе — функцией надзора за законностью.

Противники состязательности обычно не отрицают наличия в судебном разбирательстве государственного обвинения, но сводят его либо к одной из многочисленных форм надзора за закон-

¹³³ Между тем К. Ф. Скворцов считает недопустимым именовать прокурора государственным обвинителем и предлагает от данного термина «освободить и уголовно-процессуальное законодательство в порядке его дальнейшего совершенствования» (Скворцов К. Ф. Конституционные основы законодательства о прокуратуре в СССР. — Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуре в СССР. — Воронеж, 1981, с. 34). На ошибочность такого взгляда указывает В. М. Савицкий (Савицкий В. М. Правосудие и личность. — Советское государство и право, 1983, № 5, с. 61—63).

ностью¹³⁴, либо к специфической части, своеобразному ответвлению надзорной функции¹³⁵, либо к выступлению прокурора в судебных прениях¹³⁶. При всем этом они сходятся в одном: прокурор выполняет по существу лишь функцию надзора за законностью, не занимает положения обвинителя, не осуществляет отдельной функции обвинения и, стало быть, не является субъектом, чья деятельность регулируется принципом состязательности.

Прокурор действительно везде и всегда остается прокурором, то есть стражем законности. В уголовном процессе он обязан во всех стадиях осуществлять надзор за законностью и своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы они ни исходили (ст. 20 Основ). Эта общая государственно-правовая функция, возложенная на него Конституцией СССР, незыблема на протяжении всего процесса и не знает никаких изъятий.

Однако процессуальное положение прокурора, процессуальные формы и методы надзора не остаются застывшими и видоизменяются в зависимости от места и строения конкретной стадии, ее специфических задач и взаимоотношений прокурора с участвующими в ней лицами.

После того как надзиравший за расследованием прокурор сформулировал свои обвинительные выводы и передал обвинение на разрешение суда, он становится государственным обвинителем. Этим определяется и его основная задача — поддержание обвинения в суде. Видеть первостепенную задачу прокурора в судебном заседании в предотвращении судебных ошибок, полагать, что поддержание обвинения вытекает из общей задачи прокурора осуществлять надзор за соблюдением законов при рассмотрении дел в судах¹³⁷ — значит утверждать, что прокурор, передавший обвинение на разрешение суда, приходит в суд не для того, чтобы обвинять лицо, виновное, по его мнению, в совершении преступления, а для того, чтобы следить за тем, не нарушит ли суд законы, и только в связи с этой «первостепенной», «общей» обязанностью выполнять вытекающую из нее производную, более узкую обязанность — поддерживать перед судом обвинение. Нет, прокурор вступает в процесс не ради этого, а ради того, чтобы обвинять, изобличать лиц, совершивших преступление, и только в связи с

¹³⁴ Якимов П. П. Процессуальное положение общественных обвинителей и общественных защитников. — Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 7, 1967, с. 259.

¹³⁵ Новиков С. Г. Прокурорская система в СССР. — М., 1977, с. 78, 89, 90; Прокурорский надзор в СССР. — М., 1982, с. 176.

¹³⁶ Ясинский Г. М. Прокурорский надзор — гарантия охраны прав личности в уголовном процессе. — Советское государство и право, 1969, № 1, с. 78.

¹³⁷ Прокурорский надзор в СССР. — М., 1982, с. 176—177; Басков В. И. Прокурор в суде первой инстанции. — М., 1968, с. 79; Ходыревский С. М. Вопросы организации прокурорского надзора за законностью рассмотрения судами уголовных дел. — Воронеж, 1972, с. 37—38.

поддержанием обвинения и на основе обвинения осуществлять надзор за законностью рассмотрения судом уголовных дел.

Обвинение вырастает из функции надзора за законностью, вне ее не может возникнуть и существовать¹³⁸, но в судебном разбирательстве оно опосредует надзор, является единственным методом его осуществления. Прокурор осуществляет надзор в суде не для того, чтобы вызвать к жизни обвинение (обвинение возникло до суда и послужило предпосылкой судебного разбирательства), а для того, чтобы обвинение было поставлено правильно и получило законное разрешение в приговоре.

Как острейший метод реагирования на факты преступного нарушения закона, государственное обвинение всегда представляет собой законоохранительную деятельность и служит прямым и непосредственным проявлением осуществления надзора в сфере борьбы с преступностью.

Изобличая лиц, совершивших преступления, настаивая на их осуждении и применении к ним наказания, прокурор совершает действия, которые продиктованы требованием исполнения закона, осуществляются на основании и в рамках закона и не могут быть выведены за пределы надзора, тем более противопоставлены ему. Обязанность обвинителя «разнести вдрызг, осмеять и опозорить» преступление и преступника и вместе с тем поставить обвинение «разумно, правильно, в меру»¹³⁹ определяет само существо процессуального положения прокурора в суде как государственного обвинителя, призванного выполнять функцию обвинения всесторонне и объективно.

То, что прокурор одновременно обязан охранять права и законные интересы всех участвующих в деле лиц и реагировать на малейшие нарушения закона, кем бы они ни были допущены и кого бы ни касались, то, что только он имеет право (и обязан) давать заключения по возникающим во время судебного разбирательства вопросам, не означает, что эти действия совершаются им не в качестве обвинителя. Заявляет ли прокурор ходатайства в пользу обвиняемого или других лиц, дает ли заключения по поводу нарушения их прав и законных интересов, обращает ли внимание суда на любые стороны его незаконных действий, он выступает как государственный обвинитель, ответственный за свои действия перед государством, от имени и в интересах которого он их выполняет. Государственное обвинение может быть правильно поставлено и осуществлено только тогда, когда на его пути нет никаких помех и нарушений закона.

¹³⁸ Как правильно указывает С. А. Альперт, «вне надзорных функций деятельность прокурора как субъекта государственного обвинения не только не может возникнуть, но и не может вообще осуществляться. В этом главная особенность государственного обвинения, осуществляемого прокурором, особенность, присущая лишь ему» (Альперт С. А. Обвинение в советском уголовном процессе. — Харьков, 1974, с. 32).

¹³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 88.

Обманчиво и впечатление, будто предъявление или поддержание прокурором предъявленного потерпевшим гражданского иска не образует структурного элемента обвинительной деятельности и служит выражением надзора в его так сказать «чистом виде». Материальный ущерб причиняется преступными действиями обвиняемого; размер этого ущерба тесно связан с характером инкриминированного обвиняемому преступления, иногда определяет объем обвинения и всегда отражается на оценке деяния обвиняемого и его ответственности, даже если состав преступления остается прежним. Понятно, что предъявление и поддержание прокурором гражданского иска не изолируется от обвинительной деятельности, тем более что прокурор обосновывает иск в судебной речи, произносимой в качестве обвинителя.

Как видно, обвинение в суде не составляет части надзора (частью надзорной деятельности оно выступает в общей системе процесса), а выражает надзор в целом, во всей его полноте, служит единственным способом, методом его осуществления, ибо прокурор не может совершать одни действия в качестве блюстителя законности и обвинителя (заявлять ходатайства, делать заявления, произносить обвинительную речь), а другие — только в качестве органа надзора, но не обвинителя (давать заключения, поддерживать иск). Прокурор занимает в состязательном процессе процессуальное положение обвинителя и в этом и только в этом качестве реализует общегосударственную функцию надзора за законностью, которая выражается в функции обвинения, насквозь пропитывает ее и определяет существо деятельности прокурора.

Прокурорский надзор везде и всюду осуществляется от имени государства, и способ его осуществления в суде не может быть иным, кроме как поддержание обвинения от имени того же государства. Отсюда — обязанность государственного обвинителя поддерживать обвинение в пределах закона и во имя охраны законности, обвинять лишь действительно виновного и в той мере, в какой обвинение подтверждается данными судебного следствия и является правильным по существу¹⁴⁰.

Положение прокурора как государственного обвинителя в судебном разбирательстве дел придает советскому принципу состязательности особую окраску.

¹⁴⁰ Установленный ст. 32 Закона о Прокуратуре СССР перечень полномочий прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при рассмотрении дел в судах — участие в судебном разбирательстве дел по первой инстанции, предъявление исков, представление заключений по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, поддержание перед судом государственного обвинения — дан применительно к участию прокурора во всех судебных стадиях как уголовного, так и гражданского процесса, поэтому нет никаких оснований думать, что прокурор в судебном разбирательстве уголовных дел дает заключения и поддерживает иски не в качестве государственного обвинителя. Кроме того, этот перечень полномочий тесно увязан с общими задачами надзора при рассмотрении дел в судах, изложенными в ст. 31 того же Закона.

Г. По этой причине нет оснований считать, что признание за прокурором положения обвинителя делает «неразрешимым вопрос о возможности прокурора осуществлять надзор за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел, так как обвинитель не может одновременно обеспечить законные интересы обвиняемого»¹⁴¹.

Противоположность функций обвинения и защиты в смысле процессуальной направленности не противопоставляет интересы обвинителя законным интересам обвиняемого. Прокурор-обвинитель противодействует осуществлению только незаконных интересов обвиняемого. Законные интересы обвиняемого всегда соответствуют интересам прокурора-обвинителя. Государственный обвинитель отстаивает в деле не свои личные интересы (в таком случае он подлежит отводу), а государственные интересы, исходит из них в своей деятельности и, руководствуясь ими, принимает все зависящие от него меры по охране прав и законных интересов обвиняемого. Государственное обвинение не достигнет своей цели, если государственный обвинитель пройдет мимо малейших нарушений прав и законных интересов обвиняемого и не предостережет суд от постановления неправосудного приговора¹⁴².

Д. Обвинительный характер деятельности прокурора в состязательном процессе обусловлен тем обвинительным тезисом, который сформулирован в обвинительном заключении и в правильности которого убежден прокурор. Изобличать подсудимого в совершении преступления и убеждать суд в виновности подсудимого может лишь тот, кто сам не сомневается в этом. Если бы прокурор вступил в процесс без определенной позиции по делу и проявлял в нем нерешительность, воздерживался от категорических суждений по обсуждаемым вопросам, чувствовал себя неуверенно, сомневался в обоснованности предъявленного обвинения, он не выполнил бы возложенной на него функции государственного обвинения¹⁴³.

Но убеждение в виновности обвиняемого не есть предубеждение против него. Убеждение вовсе не «предопределяет предубежденность в виновности подсудимого еще до окончания судебного следствия»¹⁴⁴. Вывод, сделанный прокурором до суда, основан на информации, заключенной в письменных материалах дела, и на знаниях, полученных прокурором при проведении отдельных следственных

¹⁴¹ Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном производстве, с. 63; см. также: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. — Воронеж, 1980, с. 41.

¹⁴² Об этом правильно пишет С. А. Альперт (Альперт С. А. О процессуальных функциях прокурора в советском уголовном судопроизводстве. — Проблемы социалистической законности. Вып. 10. Харьков, 1982, с. 99).

¹⁴³ Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. — М., 1951, с. 152.

¹⁴⁴ Емельянов С. А. Некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции. — Проблемы борьбы с преступностью. М., 1968.

действий при его участии, а также при осуществлении надзора за расследованием. Обвинительный тезис, на который опирается прокурор в суде, определяет пределы и общее направление его деятельности, общий подход к рассмотрению обстоятельств дела с обвинительной точки зрения, но не предрешает внутреннего убеждения прокурора в судебном заседании и конечного вывода по делу. В судебном разбирательстве государственный обвинитель активно участвует в исследовании всех обстоятельств дела, воспринимает, проверяет и оценивает каждое доказательство и всю совокупность доказательств в условиях развернутого осуществления принципов устности, непосредственности и состязательности, а это может внести серьезные коррективы в ранее сложившееся убеждение по делу, изменить процессуальную позицию и даже повлечь за собой отказ от обвинения¹⁴⁵.

Государственный обвинитель в состязательном процессе — объективный и всесторонний обвинитель, он стоит на незыблемой почве фактов, стремясь к установлению истины и ни на йоту не отклоняясь от нее (ст. 31 Закона о Прокуратуре СССР). Прокурор-обвинитель строит свои выводы, исходя из велений закона и внутреннего убеждения, сложившегося в результате рассмотрения всех обстоятельств дела (ст. 40 Основ).

Е. То обстоятельство, что обвинение часто поддерживает не прокурор, а помощник прокурора, который обычно впервые вступает в дело после предания суду и знакомится с ним непосредственно перед открытием судебного заседания, не означает, что убеждение последнего отличается от убеждения прокурора и аналогично убеждению судьи или суда, принявшего решение о предании суду (ст.ст. 221, 227 УПК)¹⁴⁶.

Наличие общей информационной базы знаний — доказательств, полученных без участия помощника прокурора и судьи и непосредственно не воспринимавшихся ими, не возводит гносеологического рубежа для формирования различного уровня убеждения. Для характера выводов имеет значение не только объем и вид информации, но и способ восприятия изучаемого материала, цель и угол зрения оценки доказательств. Судья (суд) вносит дело в судебное заседание, когда находит, что имеющиеся в нем данные позволяют правильно разрешить его по существу — вынести законный и обоснованный приговор. Государственный обвинитель, будь то прокурор или его помощник, принимает решение об участии в судебном разбирательстве, когда считает, что факт соверше-

¹⁴⁵ Альперт С. А. Роль обвинения в осуществлении правосудия. — Проблемы социалистической законности. Вып. 1. — Харьков, 1976, с. 114.

¹⁴⁶ Данное утверждение И. В. Емельяновой не согласуется ни с наименованием ее работы, ни с признанием ею принципа состязательности (Емельянова И. В. Внутреннее убеждение государственного обвинителя. — Суд и применение закона. М., 1982, с. 146).

ния преступления достоверно установлен и получил правильное отражение в обвинительном заключении (ч. 2 ст. 205 УПК)¹⁴⁷.

Если бы помощник прокурора при оценке доказательств руководствовался той же задачей, что и судья (суд), он, как не составивший себе никакого мнения о виновности обвиняемого, перестал бы быть обвинителем по делу, и тогда вопрос о состязательной конструкции судебного разбирательства мог бы ставиться лишь применительно к тем делам, по которым обвинение поддерживают сам прокурор. Ошибочность такой постановки вопроса вряд ли может вызвать сомнение.

Помощник прокурора, так же как и прокурор, выполняя требования ст. 213 УПК, изучив материалы дела, обязан дать категорический ответ на вопрос о виновности обвиняемого. Если у помощника сложится иное внутреннее убеждение по делу, нежели у прокурора, он не может поддерживать обвинение в суде; он должен отказаться от участия в судебном разбирательстве, заявив о том надзирающему прокурору, а при отрицательном отношении последнего к заявлению — изложить мотивы своего отказа вышестоящему прокурору¹⁴⁸.

Ж. Против принципа состязательности выдвигается и то соображение, что состязание, полемика по большинству дел не нужны, так как подсудимые обычно признают себя виновными в совершении преступлений, а материалы предварительного расследования, как правило, носят неопровержимый характер¹⁴⁹.

Возражение это исходит из переоценки значения сознания обвиняемого, ошибочного понимания вопроса о соотношении предварительного и судебного следствия и объективно оправдывает целесообразность участия защитника в судебном заседании лишь в тех «редких» случаях, когда защитнику удалось при ознакомлении со следственным производством обнаружить какие-то данные, с которыми можно не согласиться. Защитник, который по большин-

¹⁴⁷ А. И. Долгова считает, что не только помощник прокурора, но «даже самый добросовестный прокурор при утверждении обвинительного заключения не может сделать твердого вывода о виновности обвиняемого, если он лично не участвовал в производстве расследования» (Долгова А. И. Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. Дис. ... канд. юр. наук. — М., 1969, с. 11—12). С обоснованными возражениями против этой позиции выступили В. М. Савицкий (Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора, с. 132, 133, 160) и В. С. Зеленецкий (Зеленецкий В. С. Деятельность прокурора в советском уголовном процессе. — Харьков, 1977, с. 13—15).

¹⁴⁸ Примерно так же решает вопрос В. М. Савицкий (Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора, с. 198).

¹⁴⁹ Корецкий И. Этика судебных прений. — Социалистическая законность, 1976, № 1, с. 39. С этим мнением не согласны А. Ликас (Ликас А. Культура судебных прений. — Социалистическая законность, 1976, № 4, с. 56—57), Р. Экземпляров (Экземпляров Р. Форма полемики в суде. — Социалистическая законность, 1976, № 4, с. 57—58) и Ю. Корневский (Корневский Ю. Можно ли обойтись без полемики в судебных прениях? — Социалистическая законность, 1976, № 5, с. 57—58).

ству дел заведомо ни в чем не возразит прокурору и ничего не скажет в пользу подзащитного, действительно не нужен ни подсудимому, ни правосудию. Однако судебное разбирательство представляется собой новое, самостоятельное исследование всех обстоятельств, и, пока оно не состоялось, пока суд не вынес своего приговора, никто не может предугадать, какой оборот примет дело в суде. Даже тогда, когда сознание обвиняемого находит подтверждение на судебном следствии, защитник всегда имеет возможность сказать свое слово в защиту подсудимого; он может возразить прокурору по поводу объема обвинения, квалификации преступления, мотива и цели совершенного преступления, оценки личности подсудимого, размера и вида наказания и представить на этот счет свои доводы и соображения.

В судебной практике действительно встречаются дела, по которым позиции обвинения и защиты между собой совпадают, но и по ним принцип состязательности сохраняет свою силу и значение: прокурор остается обвинителем, защитник остается защитником, и каждый из них освещает обстоятельства дела с позиций своей процессуальной функции. Состязательность — это право защиты на равных с обвинителем условиях отстаивать свою точку зрения перед судом, но не обязанность защиты вступать с обвинителем в полемику по каждому поводу.

*
* *
*

Анализ структурных элементов принципа состязательности и разбор основных возражений против него убеждают в том, что начало состязательности не искусственная конструкция, не категория, ведущая к противопоставлению интересов государственного обвинителя законным интересам обвиняемого, не декларация формального равноправия участников судебного разбирательства; состязательность — подлинно демократическое, глубоко гуманистическое начало советского уголовного процесса, свойственное самой его природе, принцип, надежно обеспечивающий охрану прав и законных интересов личности и одновременно играющий роль эффективного средства успешного осуществления целей и задач социалистического правосудия.

§ 4. Принцип непосредственности исследования доказательств

Принцип непосредственности выражает требование, определяющее обязанность полномочных органов государства и должностных лиц получать доказательства из первоисточника, лично исследовать и использовать их при обосновании выводов по делу¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Аналогично формулирует принцип непосредственности М. С. Строгович (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1, с. 157).

Основное содержание принципа непосредственности применительно к судебному разбирательству раскрыто в ст.ст. 37 и 43 Основ (ст.ст. 240 и 301 УПК), возлагающих на суд обязанность непосредственно исследовать доказательства по делу и основывать свой приговор лишь на доказательствах, бывших предметом рассмотрения в судебном заседании. Непосредственность требует, чтобы суд допросил свидетелей-очевидцев, а не лиц, знающих об обстоятельствах дела со слов последних, исследовал документы в оригинале, а не их копии, осмотрел и исследовал подлинные вещественные доказательства, а не протоколы их осмотра и т. д.

Такая направленность принципа непосредственности обусловлена самим механизмом образования доказательств. Первоначальные доказательства лишены промежуточных звеньев и способны воссоздать более яркую, полную и точную картину совершенного преступления, чем производные доказательства, которые всегда опосредованы и пользование которыми повышает вероятность получения неполной и искаженной информации об искомых фактах¹⁵¹.

Сказанное не обесценивает производные доказательства и не служит основанием для исключения их из сферы доказывания. Для суда, как и для органов предварительного расследования, ни одно доказательство не имеет заранее предустановленной силы (ст. 67 УПК). Во всех случаях, когда первоначальные доказательства недоступны, утратили свои характерные свойства, страдают неполнотой, вызывают сомнение в своей достоверности и т. д., производные доказательства используются судом как наряду с первоначальными, так и вместо них. Важно только, чтобы производные доказательства использовались в порядке и пределах, предусмотренных законом, и чтобы они особенно тщательно проверялись.

1. Принцип непосредственности — важный метод исследования доказательств, надежная гарантия постановления правосудного приговора¹⁵².

¹⁵¹ Таким образом, содержание принципа непосредственности определяется тремя ингредиентами: /1/ обязанностью получения первоначальных доказательств, /2/ обязанностью личного исследования полученных доказательств органами и лицами, ведущими уголовный процесс, и /3/ обязанностью использования этих доказательств при обосновании выводов по делу. Первый элемент из числа названных является определяющим, исключение его из содержания непосредственности обращает требования принципа к производным доказательствам и сводит на нет его практическое значение. Личному восприятию одинаково доступны и доказательства, исходящие из пятых, sixth и десятых рук. Но восприятие этих доказательств ничего общего не имеет с непосредственностью процесса. Непосредственность везде и всюду означает свойство, лишенное опосредованности, и нельзя ее изображать как принцип, «распространяющий свое действие и на восприятие судом показаний, запечатленных в следственных протоколах допроса» (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. — М., 1981, с. 301).

¹⁵² С полным основанием судебная практика видит в нем один из принципов уголовного судопроизводства, основу уголовного

В силу принципа непосредственности судебное разбирательство происходит непрерывно (ст. 240 УПК) и в неизменном составе суда (ст. 241 УПК).

Непрерывность судебного заседания и неизменность состава суда обеспечивают свежесть и целостность судебного восприятия, правильное формирование внутреннего убеждения судей.

Правило о непрерывности судебного заседания запрещает судьям впредь до разрешения начатого слушанием дела рассматривать другие судебные дела. Судебное заседание может быть прервано лишь на время, необходимое для отдыха. Слушание других дел во время перерыва судебного заседания притупляет, рассеивает внимание судей, вынуждает обращаться к письменным материалам для восстановления в памяти тех или иных обстоятельств, а это может исказить представление об обстоятельствах дела, повлиять на его правильное разрешение. Поэтому, объявил ли суд перерыв судебного заседания, отложил или приостановил дело слушанием, разбирательство дела всегда возобновляется сначала, если в перерыве суд занимался рассмотрением других дел. В остальных случаях суд, учитывая характер дела и продолжительность перерыва, решает, рассмотреть ли дело сначала или продолжить его слушание с того действия, на котором оно остановилось¹⁵³.

Правило о неизменности состава суда обязывает суд рассмотреть каждое дело от начала и до конца в одном и том же составе судей. Постоянство судебной коллегии позволяет суду в целом и каждому судье в отдельности лично воспринимать и оценивать доказательства, свободно, без постороннего влияния формировать внутреннее убеждение по делу. В соответствии с этим судья, лишенный возможности продолжать участвовать в заседании, заменяется другим судьей, и разбирательство дела начинается сначала. Замена выбывшего народного заседателя другим без полного или частичного возобновления судебного разбирательства допускается только тогда, когда запасной народный заседатель присутствовал на протяжении всего разбирательства дела и не требует возобновления судебных действий (ст. 242 УПК)¹⁵⁴. Если же запасной народный заседатель, присутствовавший при рассмотрении дела, настаивает на разбирательстве дела с самого начала, его просьба

процесса (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1956, № 5, с. 14—15; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 12, с. 5; 1975, № 5, с. 13—14; 1982, № 4, с. 9).

¹⁵³ Непрерывность судебного разбирательства проявляется и в том, что суд обязан: а) немедленно удалиться в совещательную комнату для постановления приговора по выслушивании последнего слова подсудимого (ст. 299 УПК); б) не покидать ее до провозглашения приговора, кроме случаев, указанных в ст. 302 УПК; в) после составления и подписания приговора всеми судьями возвратиться в зал судебного заседания и огласить его (ст. 318 УПК).

¹⁵⁴ Судебное разбирательство всегда начинается сначала, если народный заседатель заменяется другим, не привлекавшимся к участию в рассмотрении дела в качестве запасного народного заседателя (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1964, № 9, с. 10; 1966, № 9, с. 15—16).

подлежит обязательному удовлетворению: он не участвовал в производстве судебных действий, и у него может возникнуть необходимость в повторном выполнении всех или части процессуальных действий для выяснения или уточнения обстоятельств дела.

Обязанность судей лично воспринимать и исследовать доказательства в данном судебном заседании и строить свои выводы исключительно на этих доказательствах диктует необходимость вновь проверить и исследовать все доказательства по делу, рассмотренному судом первой инстанции в предыдущем судебном заседании и переданному вышестоящим судом на повторное рассмотрение¹⁵⁵. Равным образом должны быть заново исследованы и те сведения, которые содержатся в решениях и определениях суда по другим делам. Если к делу приобщены копии протоколов допроса осужденных по другим делам, не допрошенных в качестве свидетелей по данному делу, то эти протоколы не могут быть использованы в качестве доказательств и положены в основу приговора.

По тем же основаниям принцип непосредственности исключает право суда по делам, находящимся в его производстве, обращаться к другому суду с отдельными поручениями о выполнении судебных действий (допросов свидетелей, потерпевших, экспертов и т. п.). С отдельными поручениями к другому суду суд может обратиться в порядке ч. 1 ст. 31 УПК лишь в том случае, когда их выполнение не противоречит принципу непосредственности и состоит в снятии копий с документов (приговора, определения и т. п.) и пересылке их в суд, в принятии мер по обеспечению гражданского иска, возможной конфискации имущества и т. п.

Отрицательно должен быть решен и вопрос о том, вправе ли суд по рассматриваемому делу предложить органам дознания произвести обыск или выемку. В судебном разбирательстве все следственные действия по собиранию доказательств полномочен произвести только суд, а не какой-либо другой государственный орган. Сам же суд лишен возможности воспользоваться правом, предоставленным ему ст. 70 УПК. Производство судом поиско-розыскных действий, требующих тщательной подготовки, внезапности, применения особых тактических приемов и технических средств, несовместимо с содержанием функций отправления правосудия. Да и проведение в судебном заседании подобных действий не может быть обставлено теми гарантиями, которые сопровождают их на предварительном следствии.

Среди доказательств, подлежащих непосредственному исследованию в судебном заседании, закон указывает на протоколы следственных действий, перечисленные в ст. 87 УПК. Их оглашение и исследование обычно происходит без повторного производства судом соответствующих следственных действий, потому что одни из них вообще не могут быть произведены в судебном разбира-

¹⁵⁵ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1975, № 5, с. 13—14.

тельстве, другие, хотя и могут быть произведены, но в совершенно другой обстановке, чем та, в которой они проводились следователем. И это основано на принципе непосредственности. Данные протоколы отражают результат непосредственного восприятия следователем различных действий, признаков, свойств, следов преступления и являются первоначальными доказательствами.

Оглашению подлежат именно протоколы, названные в ст. 87 УПК, а не другие протоколы следственных действий, тем более не протоколы допросов. Иначе суду пришлось бы каждый раз оглашать все следственные протоколы, что было бы абсолютно неправильно. Оглашение протоколов, лишенных доказательственного значения, не имеет отношения к осуществлению принципа непосредственности и производится по другим основаниям и с другой целью. Распространение же правил ст. 37 Основ (ст. 240 УПК) на протоколы допросов грубо нарушило бы установленный ею порядок исследования доказательств различных видов (ст.ст. 74, 75, 77, 87 УПК). Статья 37 Основ закрепляет принцип непосредственности, а возможные отступления от него установлены в ст.ст. 281 и 286 УПК. Содержание этих последних норм не связано с содержанием ст. 87 УПК.

Полное и последовательное проведение принципа непосредственности во многом зависит от правильного определения судом пределов доказывания по делу. Чрезмерное расширение пределов доказывания неизбежно удлинит сроки рассмотрения дел, затрудняет исследование доказательств, ослабляет силу их непосредственного восприятия, а порой увеличивает сроки содержания обвиняемых под стражей. Неосновательное сужение пределов доказывания обрекает исследование на неполноту, препятствует цельности восприятия судом доказательств. Поэтому не отвечает требованиям принципа непосредственности, в частности, такая практика, когда в суд вызываются свидетели, чьи показания не имеют никакого значения для дела, и в то же время не обеспечивается явка тех из них, показания которых действительно необходимы для полного и объективного исследования дела¹⁵⁶.

Принцип непосредственности определяет порядок исследования доказательств и условия постановления приговора. Но этим не исчерпывается его значение. Благодаря действию принципа непосредственности участники судебного разбирательства вступают в непосредственный контакт между собой и с судом, получают реальную возможность активно участвовать в исследовании всех доказательств, анализировать их, ссылаться в судебных прениях лишь на те доказательства, которые рассмотрены в судебном заседании при их непосредственном участии и которые только и могут быть положены судом в основу приговора. Для обвиняемого и потерпевшего принцип непосредственности имеет и иное значение. Если некоторые другие принципы процесса диктуют необхо-

¹⁵⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 2, с. 10—11.

димось участия обвиняемого и потерпевшего в судебном разбирательстве как равноправных его субъектов, то принцип непосредственности требует их присутствия на суде как источников доказательств.

Принцип непосредственности распространяет свое действие на доказательства, а не на обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. В этом смысле непосредственность сама опосредована. Даже когда судьям доступно непосредственное чувственное восприятие отдельных обстоятельств дела, которое не препятствует им участвовать в производстве по делу (материальные последствия преступления, продукты преступной деятельности, обстановка на месте преступления и т. д.), познание все равно не теряет своей опосредованности. Восприятие фактов объективной действительности происходит в процессе совершения процессуальных действий, его результаты в предусмотренном законом порядке получают отражение и закрепление в соответствующих протоколах, то есть облекаются в форму судебных доказательств, которые и выступают в качестве средств познания искоемых фактов. Там же, где есть доказательства, налицо опосредованное познание.

2. В связи с тем, что восприятие сведений о фактах не из первоисточника всегда в известной степени ограничивает применение принципа непосредственности, законодатель устанавливает твердые пределы использования производных доказательств в судебном заседании, чем гарантирует принцип от возможных нарушений. Такие отступления от непосредственности вызваны интересами установления истины и касаются в первую очередь возможности оглашения на суде показаний подсудимого и свидетеля (потерпевшего), данных при производстве предварительного расследования или в предыдущем судебном заседании (ст.ст. 281, 286 УПК). Цель оглашения заключается в (1) использовании ранее данных показаний в качестве доказательств ввиду отсутствия в судебном заседании источника доказательств либо (2) получении достоверных доказательств путем устранения противоречий между прежними показаниями и показаниями, данными в суде.

Оглашение письменных показаний подсудимого — мера не обычная. Подсудимый не только субъект права на защиту, но и незаменимый источник доказательств. Без его устных показаний, как правило, нельзя правильно разрешить дело и вынести по нему справедливый приговор. Поэтому закон считает участие подсудимого в судебном разбирательстве обязательным (ч. 1 ст. 246 УПК) и разрешает использовать его письменные показания вместо устных в строго ограниченных пределах.

По смыслу п. 3 ст. 281 УПК оглашение прежних показаний подсудимого возможно, если: (1) суд в исключительных случаях заочно рассматривает дело (ч. 2 ст. 246 УПК); (2) смерть подсудимого не останавливает производства по делу и судебное раз-

бирательство проводится для реабилитации умершего или возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам (п. 8 ст. 5 УПК), а равно когда слушается дело о соучастниках преступления, в отношении одного из которых дело прекращено за его смертью; (3) суд приостанавливает дело в отношении одного подсудимого в связи с уклонением его от суда либо вследствие психической или иной тяжелой длительной болезни, исключающей судебное разбирательство, и продолжает разбор дела в отношении других подсудимых, имея в виду, что приостановление всего производства по делу может привести к изменению первоначальных свойств или утрате важнейших доказательств (ч. 2 ст. 257 УПК). Оглашение письменных показаний подсудимого в иных случаях будет означать уже не отступление от принципа непосредственности, а его прямое нарушение и явится основанием для безусловной отмены приговора (п. 3 ст. 345 УПК)¹⁵⁷.

Оглашение письменных показаний свидетеля допускается только при наличии точно установленной причины, исключающей возможность его явки в суд (п. 2 ст. 286 УПК)¹⁵⁸. Если даже причина неявки свидетеля в судебное заседание признана уважительной, но его явка в дальнейшем возможна, суд не вправе огласить предыдущие показания свидетеля, а должен либо заслушать дело в отсутствие свидетеля, не зачитывая его показания, либо отложить разбирательство дела до явки свидетеля, либо, воспользовавшись правилами ст. 157 УПК, допросить свидетеля с участием лиц, поминovaných в ч. 2 ст. 283 УПК, по месту его нахождения. Точно так же суд не может огласить показания свидетеля при запоминании им какого-либо обстоятельства, ибо это приспособило бы ответы свидетеля к тому, что им ранее сообщалось, а по существу такое оглашение означало бы наводящий вопрос. Чтобы помочь свидетелю вспомнить забытые обстоятельства, в распоряжении суда есть легальное средство, а именно — продолжение допроса свидетеля с постановкой перед ним напоминающих, уточняющих, детализирующих и других вопросов. С другой стороны, нет оснований отрицать право суда оглашать показания свидетеля, уклоняющегося от явки в суд или отказывающегося давать суду показания, на том основании, что ст. 286 УПК об этом специально не упоминает. Здесь создается ситуация, аналогичная той, когда свидетель отсутствует на суде по причине, исключающей его явку в суд, ввиду чего отпадают и возражения против применения п. 2 ст. 286 УПК по аналогии. Лишить суд этой возможности — значит препятствовать установлению истины по делу.

Закон разрешает оглашать ранее данные лицом показания, если оно допрашивалось на предварительном следствии в том же про-

¹⁵⁷ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 4, с. 15; 1975, № 8, с. 11.

¹⁵⁸ К обстоятельствам, исключающим возможность явки в суд, помимо смерти лица, относятся: тяжелое заболевание, дальняя и продолжительная командировка или нахождение в плавании, выбытие с места жительства при невозможности установить местонахождение и т. п. (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1975, № 12, с. 5—6).

цессуальном качестве, что и в судебном заседании, и не указывает, как должен поступить суд, если процессуальная роль этого лица изменилась.

Ответ на данный вопрос неоднозначен. Если подсудимый на предварительном следствии допрашивался в качестве подозреваемого, а свидетель — в качестве подозреваемого или обвиняемого, то нет никаких препятствий к оглашению тех показаний, которые получены в таких же или более благоприятных условиях. Если же подсудимый до предъявления обвинения допрашивался в качестве свидетеля, то использование против него собственных показаний, полученных под угрозой уголовной ответственности, нарушило бы и непосредственность процесса, и право обвиняемого на защиту. Оглашение прежних показаний подсудимого и свидетеля по основаниям п. 1 ст. 281 и п. 1 ст. 286 УПК возможно в тех случаях, когда между бывшими и вновь полученными показаниями обнаруживаются существенные противоречия, затрагивающие само существо дела. Расхождения в показаниях по второстепенным вопросам и обстоятельствам устраняются в общем порядке — посредством проверки и исследования доказательств.

Установить, имеются ли в показаниях противоречия и насколько они существенны, можно лишь в результате тщательно проведенного допроса подсудимого и свидетеля, выслушивания всех ответов на вопросы, поставленные перед ними судом и участниками судебного разбирательства. До тех пор, пока подсудимый и свидетель не закончили свободного рассказа и не ответили на заданные вопросы, оглашать ранее данные показания недопустимо¹⁵⁹. Ни в коем случае нельзя обрывать допрос подсудимого и свидетеля и зачитывать часть ранее данных ими показаний, снова возобновлять допрос и вновь оглашать часть показаний и т. д. Такой прием неизбежно обращает допрашиваемого к прежним показаниям, наталкивает на повторение ранее сказанного, что противоречит самой идее получения достоверных показаний от допрашиваемых лиц.

Прочитан может быть как полный текст показаний, так и его часть. Частичное оглашение протокола допроса целесообразно тогда, когда противоречия в показаниях касаются самостоятельного эпизода, нескольких эпизодов или конкретного факта. Зачитывать весь протокол допроса в этих случаях не имеет смысла. Достаточно сопоставить часть показаний с вновь полученными, чтобы в дальнейшем решить, какие из них соответствуют действительности.

При наличии существенных противоречий между показаниями, данными в одном и том же судебном заседании, оглашать первоначальные показания нельзя: в деле нет еще оформленного протокола. В таком случае достоверность тех и других показаний уста-

¹⁵⁹ В этом отношении является неточной рекомендация о возможности оглашения письменных показаний свидетеля после того, как он закончил свободный рассказ (Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе, с. 145).

навливается в ходе исследования доказательств на судебном следствии.

Сложнее решается вопрос в тех случаях, когда после отмены приговора в кассационном или надзорном порядке суд при повторном рассмотрении дела сталкивается с необходимостью огласить показания подсудимого или свидетеля, зафиксированные в протоколе первого судебного заседания.

Решение этого вопроса зависит, по-видимому, от того, какие конкретно основания (основание) повлекли за собой отмену приговора. Одни из них могут свидетельствовать о нарушении судом первой инстанции условий и порядка допроса подсудимого и свидетеля, о неполной и неправильной записи их показаний в протоколе судебного заседания и т. п. Оглашение прежних показаний в этих случаях только усугубило бы ранее допущенные ошибки. Другие нарушения могут выразиться в том, что суд рассмотрел дело в отсутствие ряда свидетелей, показания которых имеют значение для дела, не выяснил при допросе некоторых свидетелей отдельные обстоятельства дела, не вызвал в судебное заседание эксперта, хотя такой вызов был необходим, или при надлежащей полноте и всесторонности судебного следствия дал неправильную юридическую оценку обстоятельств дела и т. п. В этих, как и в других подобных случаях, когда отмена приговора не ставит под сомнение ни правильности проведенных допросов, ни качества протокола судебного заседания и т. п., нерезонно отказываться от оглашения показаний подсудимого и свидетеля, данных в первом судебном заседании, если они существенно отличаются от тех, которые получены при новом рассмотрении дела. Нельзя априорно исходить из того, что отмена приговора по любому основанию лишает всякой юридической силы все акты предыдущего судебного разбирательства и делает невозможным использование протокола этого заседания. Нередко отмена приговора становится возможной именно потому, что полнота и правильность судебного протокола позволили вышестоящему суду выявить допущенные по делу ошибки.

Оглашение прежних показаний подсудимого и свидетеля в любом случае обязывает суд всесторонне проверить эти показания, сопоставить их с показаниями, полученными в судебном заседании, выяснить причины изменения показаний, дать надлежащую оценку тех и других показаний и все это полно отразить в протоколе судебного заседания, отметив, какие вопросы задавались допрашиваемым для уточнения тех или иных обстоятельств, какие ответы последовали на эти вопросы, чем объяснили допрашиваемые изменение своих показаний. Только при этом условии вышестоящий суд сможет проверить, был ли соблюден принцип непосредственности в стадии судебного разбирательства уголовных дел.

3. Помимо оглашения показаний подсудимого и свидетеля на суде может быть воспроизведена приложенная к протоколу допроса звукозапись их показаний (ст.ст. 281, 286, УПК). Фонограмма воспроизводится полностью и только после того, как оглашены

прежние показания допрашиваемого.] Этим подчеркивается, что фонограмма не заменяет протокола допроса, а используется наряду с ним и служит дополнительным техническим средством фиксации показаний, не имеющим самостоятельного доказательственного значения. Вместе с протоколом допроса она входит в состав одного из видов доказательств — показаний подсудимого, свидетеля и потерпевшего.

Прослушивание магнитофонной ленты, как и прочтение показаний, несомненно ограничивает принцип непосредственности, поскольку показания воспринимаются не от первоисточника, а через посредство фонограммы. Именно поэтому звукозапись воспроизводится в тех же случаях, в каких оглашаются письменные показания. Хотя фонограмма целиком воспроизводит устные показания и отражает весь ход следственного допроса с его эмоциональной окраской, ей не может быть отдано ни малейшего предпочтения перед протокольной записью показаний. Фонограмма воспроизводит показания, которые даны в другое время, в другой обстановке, в условиях, при которых сам факт применения магнитофона мог оказать на допрашиваемого определенное психологическое воздействие и отразиться на облике и содержании его показаний. Звукозапись никогда не может воспроизводиться для того, чтобы напомнить допрашиваемому прежние показания и «привязать» его к ним. Воспроизведение звукозаписи помогает суду проверить полноту и точность записанных в протоколе показаний, рельефнее увидеть отличие прежних показаний от вновь полученных, дать более глубокий анализ всей совокупности доказательств, определить степень достоверности ранее данных и вновь полученных показаний. В этом смысл и назначение воспроизведения звукозаписи.

Иную цель преследует звукозапись допросов подсудимого, потерпевшего, свидетелей и экспертов во время судебного разбирательства (ч. 2 ст. 264 УПК), которая производится по правилам ст. 144¹ УПК как по инициативе суда, так и по инициативе участников судебного разбирательства и допрашиваемых лиц. Она применяется чаще всего по многоэпизодным делам, требующим длительного рассмотрения, а также в случаях, когда показания лиц внутренне противоречивы, не соответствуют другим доказательствам, содержат большой и сложный объем информации, касаются специальных вопросов и деталей, которые секретарь судебного заседания не всегда может правильно понять, полно и точно отразить в протоколе¹⁶⁰. Такая фиксация на пленку допросов позволяет избежать утраты ценной информации и обеспечить полную и правильную запись показаний в протоколе судебного заседания, что особенно важно, когда на него поданы замечания; дает возможность суду в совещательной комнате воспользоваться ею, восстановить в памяти воспринятый на судебном следствии доказательственный материал и подвергнуть его всесторонней и объективной оценке; облег-

¹⁶⁰ Чеджемов Т. Б. Судебное следствие. — М., 1979, с. 25—26.

чает проверку вышестоящим судом законности и обоснованности вынесенного приговора. В этом своем значении звукозапись содействует тщательной, всесторонней проверке и оценке доказательств в судебном заседании, устранению пробелов и противоречий в показаниях допрошенных лиц и служит дополнительным гарантом осуществления принципа непосредственности¹⁶¹.

В интересах обеспечения непосредственности судебная практика использует иногда магнитофон при допросе одного подсудимого или свидетеля в отсутствие другого подсудимого (ст.ст. 280, 285 УПК). Отмечается, что воспроизведение звукозаписи показаний лица, допрошенного в отсутствие подсудимого, оказывает на последнего большее впечатление и обеспечивает получение от него более полных и правдивых показаний, чем сообщение ему председательствующим содержания данных без него показаний¹⁶². Так это или нет, но воспроизведение фонограммы при выполнении судом требований ст.ст. 280 (п. 3) и 285 (п. 2) УПК не вытекает из смысла закона. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» разъяснил, что звукозапись показаний может быть воспроизведена лишь при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 281 и 286 УПК¹⁶³, а не в случаях, когда производится допрос подсудимого или свидетеля в отсутствие другого подсудимого. Причем воспроизведение звукозаписи не допускается без предварительного оглашения показаний, содержащихся в надлежаще оформленном протоколе судебного заседания (ст.ст. 281, 286 УПК). Стало быть, воспроизведение звукозаписи и в случаях, указанных в ст.ст. 281 и 286 УПК, возможно лишь при условии, что звукозапись сделана в предыдущем судебном заседании. При выполнении же требований ст.ст. 280 и 285 УПК председательствующий потому и сообщает подсудимому содержание полученных без него показаний, что, не имея юридически оформленного протокола, он не может зачитать ту запись показаний, которую произвел в это время секретарь судебного заседания.

Отдельные суды прибегают иногда к частичному воспроизведению звукозаписи допросов для того, чтобы выяснить, почему то или иное лицо в одном и том же судебном заседании по-разному освещает одни и те же обстоятельства, утверждая при этом, что оно не меняет своих показаний и сообщает суду одинаковые по содержанию сведения¹⁶⁴. Такая практика идет вразрез с принципом непосредственности и имеет под собой ту же основу, что и частичное оглашение письменных показаний.

¹⁶¹ Закон ограничивает применение магнитофона случаями звукозаписи допросов (ч. 2 ст. 264 УПК). В судебной практике магнитофон давно уже применяется для звукозаписи всего судебного разбирательства или его отдельных частей. Думается, что такая практика в еще большей мере гарантирует осуществление принципа непосредственности и находит опору в гласности судебного разбирательства уголовных дел.

¹⁶² Чед жемов Т. Б. Судебное следствие, с. 25—26.

¹⁶³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1969, № 4, с. 10.

¹⁶⁴ Социалистическая законность, 1971, № 1, с. 63.

4. Принцип непосредственности предполагает исчерпывающую полноту и всесторонность судебного следствия. Судебное следствие может считаться законченным, если судом тщательно исследованы и проверены все доказательства, имеющие значение для дела (ст. 294 УПК).

Действующее законодательство по сравнению с предшествующим значительно усилило гарантии осуществления принципа непосредственности в судебном разбирательстве, исключив из системы норм правила, допускавшие широкую возможность сокращения судебного следствия. Ранее действовавший закон предоставлял суду право не производить дальнейшего судебного следствия, если подсудимый признал себя виновным и дал показания (ч. 1 ст. 282 УПК 1923 г.), а областной суд наделял, кроме того, правом прекратить в любой момент допрос вызванных свидетелей, если признает, что показаниями допрошенных свидетелей вполне установлены те обстоятельства, для установления которых они вызывались (ст. 394 УПК 1923 г.). Действующее законодательство подобных оснований для сокращения судебного следствия не предусматривает. Наоборот, оно категорически воспрещает сокращать судебное следствие под предлогом сознания подсудимого. Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК).

Вопрос о возможности сокращения судебного следствия сейчас может возникнуть и действительно возникает на практике только в плане отказа суда от допроса части вызванных в судебное заседание свидетелей.

Чаще всего суд сталкивается с необходимостью сократить судебное следствие тогда, когда выясняется, что некоторые из вызванных свидетелей могут сообщить лишь сведения, которые не относятся к существу дела и не могут оказать влияния на его правильное разрешение. Допрашивать свидетелей, чьи показания оказались не имеющими для дела значения, — значит засорять судебное следствие ничего не дающей и никому не нужной фактической информацией. От допроса таких свидетелей можно и нужно отказаться. Формальных оснований к этому нет. Если признано бесспорным право судьи (суда) сократить список свидетелей, подлежащих вызову в судебное заседание (п. 5 ст. 228 УПК), и установлены случаи возможного рассмотрения дела в отсутствие не явившихся в суд свидетелей (ст. 277 УПК), не вызывает сомнения и право суда не допрашивать свидетелей, которые ничего не могут сказать по существу дела.

Но может ли суд по мотивам ясности дела отказаться от допроса тех свидетелей, чьи показания касаются существенных обстоятельств дела? М. С. Строгович правильно указывает, что по этим мотивам сокращать судебное следствие нельзя. «Возможно, — пишет он, — что после допроса некоторых свидетелей дело представится суду вполне ясным, но после допроса следующего свиде-

теля оно перестанет быть таким ясным; после же допроса остальных свидетелей оно действительно станет ясным, но совсем в другом смысле, чем казалось раньше»¹⁶⁵. Поэтому, заключает автор, судебное следствие может быть сокращено только тогда, когда обстоятельства, для подтверждения которых вызваны еще не допрошенные свидетели, стали совершенно бесспорными как для суда, так и для участников судебного разбирательства¹⁶⁶.

С этим резюме согласиться нельзя. Из того, что каждый очередной допрос свидетеля может менять представление суда о ясности дела, следует одно: пока суд не допросит всех свидетелей, показания которых существенны для дела, у него не может быть ни полной ясности о деле, ни твердой уверенности в бесспорности исследуемых обстоятельств¹⁶⁷. Наперед нельзя знать, какие показания дадут недопрошенные свидетели и какой удельный вес и значение приобретут они в общей цепи доказательств. А это значит, что независимо от отношения участников судебного разбирательства к предложению не производить допроса некоторых свидетелей, чьи показания имеют существенное значение для дела, суд не может отказаться от их допроса, он должен продолжить судебное следствие и на общих основаниях исследовать все доказательства по делу.

5. Будучи принципом исследования доказательств, непосредственность не замыкается в рамках судебного разбирательства, в известных пределах она находит свое воплощение и в ряде других стадий уголовного процесса.

Основное требование непосредственности, определяющее обязанность черпать доказательства из первоисточника, проверять производные доказательства первоначальными, сохраняет свою силу и для следователя. Как и суд, следователь вправе, например, использовать производные устные показания свидетеля и потерпевшего в качестве доказательств при условии, что установлен источник их осведомленности и, по возможности, допрошено лицо, на сообщениях которого основаны их показания (ст.ст. 74, 75 УПК). Объективные причины, ослабляющие действие принципа непосредственности при расследовании дел¹⁶⁸, не устраняют главного: следователь должен во всех возможных случаях получать и исследовать

¹⁶⁵ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. — М., 1970, с. 305.

¹⁶⁶ Там же, с. 305—306.

¹⁶⁷ Мы говорим о «ясности» и «бесспорности» как о терминах, лишь различным словесным образом характеризующих один и тот же критерий — несомненность чего-либо. Что бесспорно (неоспоримо), то ясно (безусловно). Замена одного слова другим существа вопроса не меняет (Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. — М. — Л., 1948, с. 431; Т. 17. — М. — Л., 1965, с. 2111).

¹⁶⁸ Обращение следователя к письменным материалам при формулировании выводов, возможность замены одного следователя другим, расследование дел группой следователей, выполнение отдельных требований, принятие решения об окончании следствия прокурором и т. д.

первоначальные доказательства, поскольку того требует закон и поскольку суд обязан проверить, были ли соблюдены вытекающие из принципа непосредственности правила собирания и проверки доказательств. Здесь нельзя не заметить, что при выполнении следователем таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск и выемка, проверка показаний на месте, освидетельствование, рассматриваемый принцип применяется даже шире, чем в судебном разбирательстве¹⁶⁹.

В стадии предания суду, где не проводится судебного следствия и единственной формой выражения доказательств служат письменные материалы предварительного расследования, принцип непосредственности терпит еще большее ограничение. Он обнаруживает себя преимущественно при проверке и оценке письменных заключений экспертов, первоначальных вещественных доказательств, документов-подлинников, личное восприятие которых одинаково доступно для следователя и судьи (суда). Некоторые сведения судьи непосредственно черпают также из протоколов, перечисленных в ст. 87 УПК. Подобное ограничение принципа непосредственности в стадии предания суду подчинено задачам этой стадии и условиям процессуальной деятельности, призвано предотвратить предубеждение судей против обвиняемого и гарантировать осуществление рассматриваемого принципа в судебном разбирательстве.

Не лишены непосредственности стадии кассационного и надзорного производства. В них, как и в стадии предания суду, не проводится судебного следствия, но совершенно по другой причине — чтобы избежать внедрения элементов апелляции в проверку законности и обоснованности приговора. Соответственно, и принцип непосредственности рассчитан исключительно на проверку тех видов доказательств, восприятие которых возможно вне условий выполнения следственных действий. Речь идет о личном восприятии судом подлинных вещественных доказательств, письменных документов в оригинале, письменных заключений экспертов и некоторых сведений, содержащихся в протоколах-доказательствах. Вне этого узкого поля зрения принцип непосредственности в кассационном и надзорном производстве применения не получает. Что касается восприятия судом устных объяснений участников процесса, то оно не вносит непосредственности в эти стадии, так как объяснения указанных лиц доказательствами по делу не являются¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Вопросы осуществления принципа непосредственности в стадии предварительного расследования обстоятельно исследованы в монографиях: Шундикова В. Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела, с. 69—103; Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса, с. 172—175.

¹⁷⁰ И. Д. Перлов видел проявление принципа непосредственности не только в восприятии вышестоящим судом объяснений участников процесса, которые он считал доказательствами по делу, но даже в восприятии судьями доклада судьи, входящего в одну коллегию с ними (Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. — М., 1968, с. 72—84).

§ 5. Устность уголовного судопроизводства

С непосредственностью процесса тесно взаимодействует принцип устности, закрепленный в тех же статьях закона (ст.ст. 37, 43 Основ).

Принцип устности определяет форму общения субъектов уголовного судопроизводства и служит средством выражения познавательной деятельности суда и участников судебного разбирательства¹⁷¹.

Принцип устности означает, что все процессуальные материалы, используемые судом при разрешении дела, все вопросы, возникающие в судебном заседании, все процессуальные действия, совершаемые в нем, излагаются, обсуждаются или проводятся в устной форме и суд основывает свой приговор исключительно на доказательствах, которые были рассмотрены и обсуждены¹⁷².

Все то, что не составляло предмета устного изложения и обсуждения на суде, не может быть положено в основу приговора (*quod non est in foro, non est in mundo*). Таково непреложное требование принципа устности, не знающее никаких исключений. Оно обязывает суд выслушать устные показания подсудимых, потерпевших, свидетелей; огласить протоколы следственных действий и иные документы; заслушать в устной форме объяснения, ходатайства и заявления участников судебного разбирательства, выслушать судебные речи и реплики, последнее слово подсудимого, огласить решения, принятые во время судебного разбирательства.

Судебное разбирательство — это производство, протекающее в виде судебного разбирательства¹⁷³.

Устное производство особенно необходимо при господстве широкой гласности с ее воспитательными и профилактическими целями. Воспитательно-предупредительный эффект гласного процесса, стоящий в прямой зависимости от информированности общественности о содержании процессуальной деятельности, достигается именно посредством устного судебного разбирательства. В сочетании с принципом национального языка судопроизводства устность

¹⁷¹ Правильно суждение И. Д. Петрухина, что устность не только форма общения, но и метод исследования доказательств, обеспечивающий их непосредственное восприятие судом и участниками судебного разбирательства (Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М., 1973, с. 333). Иначе устность потеряла бы значение принципа.

¹⁷² Определение устности здесь дано только применительно к судебному разбирательству.

¹⁷³ Подобно непосредственности, устность не исключает, а предполагает протоколирование процессуальных действий и содержания доказательств, воспринимаемых судом. Протокол удостоверяет, были ли совершены процессуальные действия именно в устной форме, и, стало быть, не только не подрывает значения принципа устности, а наоборот, служит целям его укрепления и соблюдения.

позволяет присутствующим в зале судебного заседания непосредственно воспринимать все происходящее на суде, активно следить за ходом судебного разбирательства, судить об обстоятельствах совершенного преступления и личности подсудимого, выражать свободно свое мнение относительно справедливости и убедительности судебных решений.

1. Устность, как отмечалось выше, теснейшим образом связана с началом непосредственности. Оба принципа действуют в судебном разбирательстве рука об руку и содержат ряд общих требований. Устность является необходимой предпосылкой непосредственности, проводником в жизнь ее предписаний. Без устных допросов подсудимых, потерпевших, свидетелей, оглашения протоколов и документов непосредственность не могла бы быть осуществлена. Однако взаимосвязь устности и непосредственности не означает их слияния в одно целое и не ставит в подчинение друг другу. То обстоятельство, что ст. 37 Основ выражает устность и непосредственность единой формулой, не свидетельствует об отождествлении законодателем этих начал. Достаточно обратиться к тексту ст. 43 Основ, чтобы убедиться в том, что законодатель видит в устности и непосредственности самостоятельные принципы процесса, наполненные собственным содержанием и не совпадающие в своих конкретных проявлениях.

Указание ст. 43 на то, что в основу приговора могут быть положены лишь те первоначальные и производные доказательства, которые рассмотрены в судебном заседании, есть указание и на то, какие из них составляют предмет регулирования принципа устности, а какие — предмет регулирования принципа непосредственности. Принцип устности обязывает суд получать и исследовать все доказательства по делу, принцип непосредственности — лишь первоначальные доказательства. В этом отношении устность шире непосредственности: она обнимает своим содержанием как первоначальные, так и производные доказательства, тогда как непосредственность — только первоначальные доказательства. С этой точки зрения допрос свидетеля об обстоятельствах, известных ему с чужих слов, основан на принципе устности, но восприятие судом сообщенных этим свидетелем сведений не будет непосредственным.

Устность шире непосредственности и в том смысле, что она распространяется на все судебное разбирательство, непосредственность же охватывает собой одно судебное следствие.

В свою очередь устность уже непосредственности в части восприятия круга доказательств. Непосредственному восприятию поддаются все виды доказательств, а устному — исключительно те, которые облакаются в форму показаний.

Ни вещественные, ни письменные доказательства никто не может заставить говорить языком живых слов¹⁷⁴. Юридическая приро-

¹⁷⁴ Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе, с. 74—75.

да этих доказательств такова, что они не могут быть представлены суду в устной форме и, следовательно, не могут быть восприняты в этом виде. Суд и участники судебного разбирательства воспринимают такого рода доказательства, как, например, документы, не иначе как путем осмотра с полным или частичным оглашением их текста, и это, конечно, не составляет отступления от принципа устности. От устности нельзя требовать того, чего она сама не требует. Отступление от устности будет иметь место не здесь, а там, где доказательство должно быть представлено и воспринято в устной форме, а оно по не зависящим от суда причинам представляется и воспринимается в письменном виде. Ограничением принципов устности и непосредственности является оглашение письменных показаний подсудимых, потерпевших и свидетелей в случаях их отсутствия на суде или отказа от дачи суду показаний, так как тот и другой принцип требуют восприятия ранее данных показаний в устной форме, они же воспринимаются судом из оглашенных протоколов допроса. Поэтому нуждается в поправке распространенное в литературе мнение, согласно которому оглашение на суде следственных протоколов допроса ограничивает принцип непосредственности, но не ограничивает принципа устности, поскольку показания оглашены устно и участники судебного разбирательства высказали по ним свои соображения¹⁷⁵. Это мнение не учитывает того, что исследование судом одних лишь письменных показаний лиц без их устного допроса, хотя и не лишено устного характера (показания оглашаются и устно обсуждаются), не включает в себя восприятия этих доказательств в том их виде, в каком они должны быть получены.

2. Так же, как и непосредственность, принцип устности с неизбежными ограничениями, вызванными задачами и условиями процессуальной деятельности, находит свое выражение в стадиях, предшествующих судебному разбирательству и следующих за ним.

На предварительном следствии и дознании принцип устности проявляется как в том, что следователь (лицо, производящее дознание) вступает в устное общение со всеми лицами, участвующими в силу закона в выполняемых им следственных действиях, так и в том, что производство допросов, очных ставок, опознания и некоторых других следственных действий осуществляется в устной форме (ст.ст. 150, 158, 163, 164 и др. УПК). Обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетели дают свои показания в устной форме, и орган расследования воспринимает их вербальную информацию таким же образом, как и суд. Изложение допрашиваемым сведений о фактах в письменном виде допускается только после получения от него устных показаний. Особенности производства предварительного расследования, о которых говорилось при характеристике принципа непосредственности, в значительной мере

¹⁷⁵ См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1, с. 165; Советский уголовный процесс. Учебник. Под ред. М. И. Бажанова, Ю. М. Грошевого. — Харьков, 1978, с. 72—73 и др.

ослабляют силу принципа устности, но не умаляют силу тех его конкретных требований, которые имеют значение для данной стадии процесса. Отступление же от вытекающих из устности правил при выполнении названных выше следственных действий составляет серьезное нарушение общего порядка производства дознания и предварительного следствия.

Еще большие ограничения принцип устности претерпевает в стадии предания суду. О проявлении этого принципа в данной стадии можно говорить, пожалуй, только применительно к коллегиальному порядку предания суду, когда дело рассматривается в распорядительном заседании¹⁷⁶. В нем устность проявляет себя в том, что заслушивание доклада судьи, мнения и заключения прокурора, лиц, вызванных сюда для объяснений или поддержания ходатайств и заявлений, как и обсуждение вопросов, связанных с преданием обвиняемого суду и подготовкой дела к слушанию, происходит в устной форме. С самими доказательствами суд знакомится по письменным актам предварительного следствия (дознания) и воспринимает их вне устной формы выражения.

При рассмотрении дела кассационной или надзорной инстанцией устность также обнаруживает себя в порядке пересмотра приговоров: в судебном заседании заслушиваются доклад судьи, выступления прокурора, объяснения участников судебного разбирательства и т. д. Проверка же законности и обоснованности приговора осуществляется по «имеющимся в деле материалам» (ст. 332 УПК), то есть опять-таки вне условий устной формы выражения доказательств. Вышестоящий суд не заслушивает устных показаний осужденного, потерпевшего, свидетелей, эксперта, а воспринимает эти доказательства в том их виде, в каком они отражены в протоколах и письменных актах.

¹⁷⁶ Если не считать случаев, когда судья самолично заслушивает объяснения лица, заявившего ходатайство, и сам принимает по нему решение (ст. 223 УПК).

Содержание

Глава I. Понятие и значение принципов советского уголовного процесса	4
Глава II. Содержание принципов публичного процесса, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, состязательности, непосредственности и устности уголовного судопроизводства	22
§ 1. Принцип публичности процесса	22
§ 2. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела	32
§ 3. Состязательность процесса	45
§ 4. Принцип непосредственности исследования доказательств	62
§ 5. Устность уголовного судопроизводства	76

Доцент
Тыричев Игорь Владимирович

ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Редактор **Б. И. Ременникова** Техн. редактор **Р. И. Вайсбурд**

Корректоры **З. В. Садикова, Г. В. Бушкина**

Сдано в набор 3/VIII-83 г.

Подписано к печати 7/XII-83 г.

Заказ 2087

Объем 5 п. л.

Тираж 4000

Цена 18 коп.

РИО ВЮЗИ, Самоотечная ул., 5/7

Типография НИИмаш, г. Щербинка